

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Е. Б. Михайленко

«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ» РЕГИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Курс лекций

Рекомендовано в качестве учебного пособия
для студентов, обучающихся по программам магистратуры
по направлениям подготовки «Международные отношения» (41.04.05),
«Востоковедение и африканистика» (41.04.03)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

УДК 327(075.8)
ББК Ф4(0),62я73-1
М 69

Научный редактор
М. М. Лебедева,
доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых
политических наук МГИМО (университета) МИД РФ

Рецензенты
кафедра мировой политики Национального исследовательского
томского государственного университета
(зав. кафедрой кандидат исторических наук, доцент А. Г. Тимошенко);
О. Н. Барбанов, доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой политики и функционирования Европейского союза и Совета
Европы Европейского учебного института при МГИМО (У) МИД РФ

Михайленко, Е. Б.

М 69 «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс :
курс лекций : [учеб. пособие] / Е. Б. Михайленко; [науч. ред.
М. М. Лебедева]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал.
Федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 116 с.

ISBN 978-5-7996-1243-6

Рассматриваются особенности регионализации современных между-
народных отношений, образование регионов и теоретическое измерение
этих процессов теоретиками «старого» и «нового» регионализма. На при-
мерах «европейского» и «азиатского» регионализма сравниваются особен-
ности региональных процессов в различных цивилизационных средах.
Осуществляется компаративный анализ образования, оснований и эволю-
ции важнейших теорий регионализма.

Для студентов и магистрантов, обучающихся по направлениям
«Международные отношения», «Востоковедение и африканистика».

УДК 327(075.8)
ББК Ф4(0),62я73-1

*В оформлении обложки использован рисунок
Алисы Титаренко*

ISBN 978-5-7996-1243-6

© Уральский федеральный университет, 2014
© Михайленко, Е. Б., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	8
Лекция 1. ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	11
1.1. Регионализация международных отношений	11
1.2. История теоретического измерения региональных процессов	14
Вопросы для самоподготовки	24
Список рекомендуемой литературы	25
Лекция 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ «НОВОГО» РЕГИОНАЛИЗМА	26
2.1. Новый региональный климат	26
2.2. Регионализм и глобальная система	29
2.3. Теоретический фундамент «нового» регионализма	31
2.4. Новизна теоретических подходов «нового» регионализма	33
2.5. Тезаурус «нового» регионализма	35
Вопросы для самоподготовки	46
Список рекомендуемой литературы	46
Лекция 3. АЗИАТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ	47
3.1. Почему мы говорим об азиатском регионализме?	47
3.2. Эволюция азиатского регионализма	48
3.3. Отличительные особенности «азиатского» регионализма	58
3.4. Угрозы и вызовы в Азии, или Почему важен регионализм в Азии?	60
Вопросы для самоподготовки	65
Список рекомендуемой литературы	65
Лекция 4. ТЕОРИИ МИРА И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	66
4.1. Копенгагенская школа исследований мира: основные концепции	66
4.2. Региональный комплекс безопасности — особенности подхода	68
4.3. Комплексы безопасности: теория региональной безопасности	69
Вопросы для самоподготовки	81
Список рекомендуемой литературы	81

Лекция 5. РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ	82
5.1. Теория кластеров регионального мира и безопасности.....	82
5.2. Концепты идентичности и пространства	87
5.3. Компаративный регионализм	90
Вопросы для самоподготовки.....	94
Список рекомендуемой литературы.....	94
Лекция 6. КРИТИКА ТЕОРИЙ «НОВОГО» РЕГИОНАЛИЗМА.....	96
6.1. «Теория, ведомая политикой».....	96
6.2. «Критика с симпатией»	99
6.3. Критический взгляд на критику «нового» регионализма	102
Вопросы для самоподготовки.....	103
Список рекомендуемой литературы.....	104
Заключение. ТЕОРИИ И РЕГИОНЫ: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ СПОР?.....	105
Список библиографических ссылок	107
<i>Приложение. Список сокращений .....</i>	<i>113</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

С крахом биполярной системы и стремительным распространением глобализации общая картина современного мира быстро меняется. Первоначально глобализация рассматривалась как главный тренд современных международных отношений, а сопутствующие ей процессы «фрагментации» — как производные. С этой целью в научный оборот было введено понятие «глокализация», устанавливавшее глобально-локальные взаимодействия [Грани глобализации..., с. 38].

Такой подход нашел отражение в выстраивании политических стратегий и в теоретическом осмыслении современного мира. В первом случае политики, прежде всего лидеры США, занятые строительством «нового мирового порядка», обращали внимание на «дестабилизирующую опасность фрагментации» современного мира. «Фрагментация» мирового порядка рассматривалась ими как реальный или потенциальный вызов односторонней американской гегемонии (империи) [Ghilardi, p. 43]. Другие, например Джон Айкенберри, считали, что современный мировой порядок будет строиться на принципах «либерального порядка», основанного на правилах, институтах, открытых рынках, согласовании и кооперации [Ikenberry, p. 10].

Несмотря на горячие споры и подчас непримиримые противоречия между исследователями, теоретические дебаты и прогнозы относительно текущих международных процессов не выходили за рамки доминирующих в теориях международных отношений реалистической, марксистской и либеральной традиций.

Региональные процессы, как и анализировавшие их теории, находились долгое время на маргинальных позициях.

Не сразу в XXI в. наступило осознание того, что «фрагментации» не являются цивилизационными «осколками» поступательного марша глобализации. Речь идет о становлении новых

институциональных связей и организационных форм на региональных уровнях, с которыми США и другие глобальные и региональные игроки должны считаться как с реальными акторами современных международных отношений.

Немного статистики. К лету 2011 г. количество региональных соглашений выросло более, чем в пять раз по сравнению с 1990 г. Однако данные, опубликованные Всемирной торговой организацией (ВТО), показывают сложность и нелинейность процесса формирования региональных организаций. Из 489 зарегистрированных в ВТО региональных соглашений только 297 остались в силе. Из них около 40 % региональных торговых соглашений имеют не более двух членов. В большинстве случаев речь идет о неглубоком уровне интеграции. 90 % региональных соглашений относятся к установлению льгот и зон свободной торговли. И среди них только девять таможенных союзов (четыре из которых связаны с Европейским союзом), шесть общих рынков и четыре экономических союза [Börzel, p. 10].

В то же самое время число региональных организаций существенно не выросло. Примерно из 50 региональных организаций только 16 были созданы после 1990 г. Треть из них расположена на постсоветском пространстве [Hancock, p. 125–126].

Различные отрасли науки приступают к осмыслению и прогнозированию проявлений «фрагментации», что приводит к формированию новых научных направлений, преимущественно на основе междисциплинарных подходов.

Происходящие количественные и качественные изменения региональных процессов требуют новых теоретических подходов к их осмыслению. Сторонники «нового» регионализма утверждают, что классические теории международных отношений «не могут учитывать многомерность, плюрализм и всю полноту современных процессов регионализации и понять, каким образом они социально конструируются» [Schulz, Soderbaum, Öjendal, p. 5]. Так происходит становление теорий и теоретических подходов регионализма и региональных исследований.

Если принимать во внимание основную повестку региональных исследований, то она концентрируется на нескольких главных вопросах. Каковы основные последствия региональной «фрагментации»? Как мы можем описать и сравнить результаты делегирования политики и политической власти на региональный уровень? Каковы движущие силы регионализма? Почему некоторые правительства решили делегировать на региональный уровень политику и политическую власть, а другие нет? Каковы внутренние результаты регионализма? Как делегирование политики и политической власти отразилось на внутренних структурах, вовлеченных в региональные процессы государств? Каким образом развитие регионализма отразилось на политических представлениях о гегемонии в современном мире и рефлексии исследователей на глобальные и региональные процессы?

В предлагаемом учебном пособии рассматривается динамика региональных, субрегиональных и межрегиональных связей, а также становление теоретических подходов к изучению этих современных феноменов. Работа продолжает серию публикаций преподавателей департамента международных отношений, объединенных темой «Регионы мира».

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие содержит целостный взаимосвязанный комплекс современных подходов к изучению международных регионов с опорой на классические теории и на современные теории, такие как социальный конструктивизм, теории глобализации и др. Основная цель пособия — дать понимание того, что представляют собой регионы мира сегодня, опираясь на новую методологическую и теоритическую модель исследования.

Исторически понятие «регион» ассоциировалось с географической областью, объединяющей два государства и более, ограниченной либо естественными границами, либо существующей в мировой практике сферой влияния. Регионы рассматривались как часть существующей системы международных отношений, как составная часть блоковой политики. Регионализация, или процесс формирования региона, происходила извне, посредством включения тех или иных государств в регион ведущей державой, как это было, например, при формировании региональных организаций, таких как НАТО и Варшавский договор (ОВД). Международный регион включал только государства. Такой подход к формированию международных регионов получил название «старый» регионализм. К теориям «старого» регионализма можно отнести подходы неореализма, либеральные подходы, институциональные и неинституциональные теории.

Термин «новый регионализм» появляется в начале 1990-х гг. и определяет стратегию построения региона как ответ на экономические и политические вызовы глобализации, а также как теорию, направленную на изучение процессов регионализации «снизу». Изучению данного подхода посвящены работы Ф. Содербаума и Б. Хеттне. Отличительной особенностью «нового» регионализма является отказ от традиционных взглядов на процесс регионализации как заданной сверху государствоцентричной модели. Регионы

формируются под воздействием множества факторов и условий, таких как экономические и политические интересы, общие ценностные подходы, историческая память и культурное наследие. Регионы могут включать как государственных, так и негосударственных акторов.

Два теоретических кластера — «новый» и «старый» регионализм — не являются двумя взаимоисключающими подходами и продолжают свое существование, все более приближаясь к пониманию того, что регион можно и нужно рассматривать с учетом множества факторов. Принципиальным отличием двух школ остается то, что классические теории продолжают опираться на традиционный взгляд на регионы как сумму государств с учетом новых подходов, а теории «нового» регионализма отказываются от государствоцентричного подхода и роли формальных институтов, исследуя преимущественно эндогенные процессы внутри региона.

Сегодня мы можем говорить о формировании нового направления в этом теоретическом споре. Появление термина «сравнительный регионализм» позволяет рассуждать о формировании конвергентного подхода к изучению региона с учетом «старого» и «нового» взглядов. Сам термин «сравнительный регионализм» вошел в научный оборот недавно, однако его применение свидетельствует о попытках рассматривать формирование и функционирование регионов в комплексе.

Пособие построено в виде последовательных и логически связанных лекций. Первые две лекции посвящены теоретическому осмыслению того, что есть «старый» регионализм и в чем отличие подходов «нового» регионализма. Третья лекция рассматривает развитие теорий «нового» регионализма с акцентом на азиатскую модель. На примере исследований азиатского регионализма можно проследить продолжение споров об особенностях процесса регионализации и формирования регионов в Азии. Четвертая лекция раскрывает особенности трансформации теорий «старого» регионализма на примере формирования региональных комплексов безопасности Б. Бузаном и О. Вейвером. Пятая рассматривает мозаику вариантов, предлагаемую неореалистами, философами

и социологами, а также формирование нового подхода — сравнительного регионализма. В шестой лекции представлена критика новых подходов к регионализму, а также возможность комплексного взгляда на регионы.

Сложность и многогранность охватываемых в пособии теоретических подходов обусловили формирование тезауруса в начале каждого лекционного блока. Разнообразие подходов затрудняет составление единого словаря понятий. Однако использование в пособии множества теоретических источников, современных публикаций позволяет вступить в открытый диалог с читателем, предполагает критическое отношение к тем или иным взглядам и формирование самостоятельных подходов у студентов к изучению глобальных и региональных процессов.

Данное пособие может быть использовано при изучении курса «Мегатренды и глобальные процессы», а также спецкурсов «Проблемы безопасности в Евразии», «Роль региональной интеграции в Азии».

Знакомство с фундаментальным теоретическим материалом, охватывающим широкий спектр вопросов и репрезентативный материал, используемый в пособии, позволяет надеяться на то, что оно вызовет интерес у всех, кто интересуется актуальными проблемами современного регионального строительства и формирования новых регионов мира.

Лекция 1

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

К л ю ч е в ы е   с л о в а: регион как подсистема международных отношений; принцип «канделябра»; неофункционализм; транснационализм; социальный конструктивизм; «старый» регионализм; транснационализм; новый институционализм

1.1. Регионализация международных отношений

Деление международного пространства на регионы не является чем-то новым в международных отношениях. Британская исследовательница Л. Фосетт (*Louise Fawcett*) отмечает, что регионализм существовал всегда. Регионы в истории международных отношений могли быть представлены в виде империй, сфер влияния, в виде альянса крупной державы и ее союзников. Регионы могли быть представлены целыми континентами, например, Европа, и быть лидерами международных отношений XIX в. В современном понимании, по мнению Л. Фосетт, регионы выделяются как части международной системы, имеющие самостоятельную универсальную активность, и впервые начинают функционировать как самостоятельные единицы в начале XX в. после окончания Первой мировой войны [Fawcett, 2004, p. 430].

Региональное измерение международных отношений прослеживается в деятельности Лиги Наций в 1920–1930-х гг. В частности, оно проявлялось в дискуссиях и практических подходах Лиги Наций к вопросам соотношения между универсальным характером проблем суверенитета и коллективной безопасности и их особым региональным измерением. Особенно это относилось

к легитимизации региональных объединений, организованных вне структур Лиги Наций.

Уроки отношения Лиги Наций к региональным объединениям были учтены в период формирования новой международной организации ООН после окончания Второй мировой войны. Отчасти под давлением новых суверенных государств в рамках ООН были легитимизованы региональные структуры. Например, в гл. VIII, ст. 52 Устава ООН предусмотрено участие региональных структур в урегулировании конфликтов. Деятельность региональных экономических комиссий и комиссий по решению социальных вопросов является нераздельной частью деятельности ООН. По мнению Л. Фосетт, принципы регионального участия и сотрудничества были жестко определены Уставом ООН [Fawcett, 2004, p. 430].

В период формирования Организации Объединенных Наций и ее устава действовали правила управления международным порядком со стороны государств-победительниц, т. е. квартета в составе США, СССР, Великобритании и Франции. Позже мировой порядок трансформировался в сторону биполярного равновесия. В связи с этим роль регионов была низведена до их подчиненного положения в рамках взаимоотношений между двумя полюсами — Востоком и Западом. В военно-политическом отношении их содержание определялось двумя региональными блоками — НАТО и Варшавским договором. Правила биполярного мира определяли разрешение спорных ситуаций за пределами региональных объединений только при участии наивысшего арбитра биполярной системы — Совета безопасности ООН. Институты ООН и Бреттон-Вудские структуры начали формировать сложную бюрократическую машину для оценки региональной деятельности (монетарной, банковской, торговой и других сфер).

После провала в 1953 г. идеи Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) ведущей темой регионализма стало обеспечение стратегии мира и примирения в Европе. Ключевым вопросом здесь стало нежелание некоторых европейских государств расставаться с государственным суверенитетом. Темой обсуждения

политиков и исследователей стали федералистские подходы, прежде всего концепция Соединенных Штатов Европы.

Функционалистские теории (к примеру, Д. Митрани) рекомендовали сконцентрироваться на ограниченном пространстве «низовой политики» создании сетей технического и экономического сотрудничества, которые незначительно затрагивали государственный суверенитет [Börzel, p. 6].

Одновременно получили сильный импульс региональные интеграционные процессы, которые формировались в рамках двух блоков и не выходили за границы сложившейся двухполюсной системы, которую олицетворяли в Европе СЭВ и Римские договоры.

И все-таки существовавшая биполярная система не стала препятствием для появления региональных организаций или панрегиональных групп, таких как Организация африканского единства (*Organization of African Unity*) (1963), Лига арабских государств (*League of Arab States*) (1945), Организация договора о Юго-Восточной Азии (*South East Asia Treaty Organization*) (1955), Тихоокеанский пакт безопасности (*ANZUS Security Treaty — Australia, New Zealand, United States*) (1952), Организация центрального договора (*Central Treaty Organization — Baghdad Pact Organization*) (1955).

Для развивающихся и неприсоединившихся стран регионализм приобрел форму идеологического обоснования равной удаленности и независимости в рамках биполярной системы. Такими являлись, к примеру, Группа-77 (*Group of Seventy Seven*) (1964) и Движение неприсоединения (*Non-Aligned Movement*) (1961), действующие в рамках ООН.

В 1970–1980-х гг. многие развивающиеся страны занимались поиском своей ниши в региональном экономическом пространстве и в пространстве безопасности. Имел место процесс фрагментации международной системы с тенденциями, которые затем оформились в понятие «третий мир». Л. Фосетт определила новые тенденции в международных отношениях как «восстание периферии» [Fawcett, 2005, p. 28]. В научном контексте этот вид регионализма определялся как «движение Юга», стремившегося

защитить недавно приобретенную независимость, неприсоединение и сопротивление всему.

Действия стран «Юга» можно определить как движение к субрегиональному сотрудничеству. В рамках данного процесса выделяются новые региональные и субрегиональные объединения, такие как Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (*ASEAN — Association of South East Asian Nations*) (1976), Карибское сообщество и общий рынок (*CARICOM — Caribbean Community*) (1973), Экономическое сообщество стран Западной Африки (*ECOWAS — Economic Community of West African States*) (1975), Южноафриканское сообщество развития (*SADC — Southern African Development Community*) (1980), Организация сотрудничества Южной Азии (*SAARC — South Asian Association for Regional Cooperation*) (1985). В конце 1960-х и в 1970-х гг. были заложены основы таких региональных объединений как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (*ОБСЕ, OSCE — Organization for Security and Cooperation in Europe*) (1975) и Организация исламского сотрудничества (*OIC — Organisation of Islamic Cooperation*) (1969).

Реальная динамика формирования региональных, субрегиональных и панрегиональных объединений во второй половине XX в. демонстрирует возрастание роли регионального измерения в международных отношениях. Процессы, которые мы в данном случае называем региональным измерением в международных отношениях, длительное время находились вне теоретического осмысления со стороны исследователей.

Возникающие транснациональные и негосударственные акторы начинают выводить региональные проблемы на повестку дня международных отношений.

1.2. История теоретического измерения региональных процессов

В самом широком плане теоретические подходы к изучению региональных процессов делятся на «старый» и «новый»; регионализм в «первом», «втором», «третьем» поколениях,

экономический, монетарный, культурный регионализм и регионализм безопасности; кросс-, интер-, транс-, мультирегионализм; «чистый» и «гибридный» регионализм; наступательный, экстравертированный, открытый, неолиберальный наступательный, интровертированный, закрытый, оборонительный, регулированный, развивающий регионализм; регионализм низкого и высокого уровня; северный, южный, Север-Юг регионализм; неформальный и институциональный регионализм [Börzel, p. 5].

Эти понятия являются настолько же различными, как и объекты исследования. Пока нет единого определения, что такое регион. Большинство исследователей сходятся во мнении, что регион подразумевает некоторую «географическую близость и примыкание к нему» (*geographical proximity and contiguity*) [Hurrell, p. 353], или «взаимозависимость» [Nye, p. 7], или «культурную однородность» [Russett, p. 5], или «чувство общности» [Deutsch, Burrell, Kann, p. 5], или «региональную консолидацию» (*regioness*) [Hettne, Söderbaum, p. 457–474].

Регионализм, таким образом, относится к процессам и структурам регионального строительства с точки зрения тесных экономических, политических и социально-культурных связей между государствами и обществами, которые близки географически, а также с точки зрения их безопасности. В политических науках понятие «регионализм» часто используется как синоним понятий «региональное сотрудничество» и «региональная интеграция», которые могут рассматриваться на противоположных концах сущности, в рамках которой регионализм может изменяться [Börzel, p. 5].

Авторы книги «Глобальная политика регионализма. Теория и практика», вышедшей в 2005 г. под редакцией М. Фаррелл, Б. Хеттне и Л. ван Лангенхове, выделяют две волны теоретических подходов к исследованию регионов [см.: *Global Politics of Regionalism...*]. В рамках первой из них (1950–1990-е гг.) исследовалась интеграционная динамика в мире и региональные интеграционные процессы в Европе.

Деколонизация и формирование европейской интеграции вызвали интерес к региональным подсистемам и региональной интеграции, в частности, под углом поддержания мирового порядка. В рамках системного анализа Мортон Каплана (*Morton Kaplan*) появляется термин «регион» в значении «подсистема». Подсистема поддерживает системные связи более высокого международного уровня, а также позволяет объяснять поведение региональных игроков посредством интерпретации местных особенностей, имеющих общие социоисторические корни [Kaplan, p. 19–21]. Определение региона сводилось к географическим областям, например, в отношении Африки или Ближнего Востока.

Подсистемный уровень анализа присутствовал в исследованиях Кеннета Уолтца (*Kenneth Waltz*). Подсистема рассматривалась им как новый уровень анализа между индивидуальным (государство) и международным институтом. Подсистема имела те же характеристики, что и международная система. Подсистема могла иметь полярности (центр и периферию), так же как международная система. Подсистема являлась открытой для внешнего воздействия вышестоящих систем. Регионы, как и международная система, могли иметь свои собственные международные институты и собственные субрегионы [Waltz, p. 177].

По определению Рэндалла Швеллера (*Randall Schweller*), взаимоотношения между регионами и международной системой представляли собой форму «канделябра». Региональная подсистема являлась подчиненной, а доминирующая международная система имела возможность внешнего воздействия на подсистему. В рамках данной модели могло присутствовать и трансрегиональное взаимодействие, однако оно сдерживалось правилами, установленными «главной системой» [Schweller, p. 72].

В рамках научных подходов исследователей, изучавших подсистемы (среди них отметим Эрнста Хааса (*Ernst B. Haas*) и Джозефа Ная (*Joseph S. Nye*)), немало дискуссий было обращено к роли интеграции [см.: Haas, 1983; Keohane, Nye, 1973, p. 121–125; Keohane, Nye, 1977, p. 3–19]. Изучение интеграции было взято на вооружение *неофункциональным течением* при изучении роли

региональных и международных организаций. Интеграция рассматривалась как средство урегулирования конфликтов, которые вспыхивали на постколониальном пространстве, таким образом, регионализм становился не просто аналитическим подходом, но и нормативным средством регулирования международных отношений.

Кроме того, *неофункционализм* сосредоточился на изучении роли транснациональных групп давления, а не технократических и административных сетей как главных действующих лиц регионализма, в то время как бизнес-интересы должны регулироваться свободным рынком.

В конце 1950-х гг. «договорный» (*transactionalist*) подход сформулировал Карл Дойч (*Karl Deutsch*). Суть его заключалась в том, что группа государств образовывала «сообщества безопасности», которые не рассматривали силу как средство решения конфликтов. Они сохраняют свои суверенные позиции в «объединенном сообществе безопасности». В то время как региональные институты помогают им решать конфликты, трансграничные социальные и экономические соглашения выступают в качестве основных драйверов развития связей между членами сообщества. В данном случае оба подхода — *неофункционализм* и *транзакционализм* — рассматривали развитие транснациональных связей как основной источник преодоления сопротивления государств против регионализма [см.: Deutsch, Burrell, Kann].

Напротив, межправительственный подход (*Intergovernmentalism*) следовал в фарватере *реалистических* рассуждений о том, что государства остаются устойчивыми по отношению к смещению политики и политической власти на уровень региональных институтов, особенно в области «высокой» политики [см.: Hoffmann, p. 865–921].

Создание Европейского экономического сообщества (*European Economic Community*) и его быстрое развитие, в частности, оформление Таможенного союза, явилось подтверждением *неофункционалистских подходов*. За пределами Европы поднялась волна регионализма в других частях мира, в частности, в Латинской

Америке и в Африке. Эти тенденции спровоцировали первые компаративные исследования со стороны приверженцев *неофункционализма* [Haas, Schmitter, p. 705–737].

Тем не менее, европейская интеграция столкнулась в 1970-х гг. с серьезными проблемами в создании Европейского экономического и монетарного союза, мало что эффективного вышло из попыток интеграции по линии «Юг — Юг». Это побудило исследователей переключиться на вопросы о том, почему в других районах мира регионализация оказалась менее успешной [Haas, 1970, p. 607–646]. С позиций неофункционализма оказалось невозможным объяснить, почему в начале 1970-х гг. европейские государства не смогли организовать для выхода из острого кризиса. В конечном итоге Э. Хаас даже выступил с заявлением о том, что теория регионализма вообще устарела [Haas, 1975, p. 7].

Единый европейский акт 1986 г. и Маастрихтский договор 1990 г. подвели черту под периодом «евросклероза». Углубление интеграционных тенденций в ЕС спровоцировало новую волну регионализма за пределами Европы. Интерес исследователей привлекли интеграционные процессы в Африке и Латинской Америке. В Европе происходило стремительное формирование наднациональных институтов, включая механизм регулирования рынка, создание Европейской комиссии, Европейского суда и других. Все это вместе привело к оживлению теоретического осмысления региональных процессов и к переосмыслению неофункционалистских и межправительственных теоретических подходов [Burley, Mattli, p. 41–76; Mattli, p. 1–27].

Либеральные *межправительственные подходы* объясняли наднациональные процессы тем, что на самом деле национальные правительства оставались хозяевами происходящих процессов, и их действия были вызваны стремлением к использованию коллективистских методов для улучшения внутригосударственных проблем. По мнению Э. Моравчик и М. Поллак, за региональными процессами стоят национальные правительства, а не транснациональные альянсы во главе с наднациональными акторами [цит. по: Börzel, p. 7].

По мнению Т. Бёрцель, процесс развития многоуровневой системы управления в Европейском союзе привел к «теоретическому перевороту» в исследовании региональных процессов, который охарактеризовался завершением доминирования теорий международных отношений и открыл пространство для политической и общественной компаративистики [Ibid.].

В исследовании процессов в ЕС это проложило путь *социальному конструктивизму (social constructivism)*, который развивается в дискуссиях с *рационалистическими и историческими институционалистскими подходами (rationalist and historical institutionalist approaches)*. Исследования социальных конструктивистов (Дж. Чеккель, Т. Риссе, Т. Дица) подчеркивали важность процессов социализации и формирования коллективной идентичности в процессах региональной интеграции [см. об этом: Ibid.]. Т. Бёрцель считает, что теоретические подходы регионалистского характера стали субдисциплинами теорий международных отношений [Ibid., p. 8].

Вместе с тем, она отмечает, что существующие теории международных отношений и сложившиеся теоретические подходы к исследованию европейской интеграции мало чем могут помочь в понимании регионалистских процессов в Африке и в Азии. Эту миссию взял на себя так называемый «новый» регионализм, который синтезирует различные подходы, включающие социальное конструирование регионов, роль негосударственных акторов, групп давления, культуры и окружающей среды. Инструментарий мировой политической экономии используется при исследовании региональных торговых и инвестиционных моделей, институтов, содействующих либерализации доступов к региональным рынкам. При помощи статистических методов проверяются границы институционалистских теорий. Сравнительный регионализм сложился как исследовательское поле, конвергирующее различные теоретические подходы, которые сложно сочетаются между собой [Ibid.].

В целом, изучение региональной тематики имело европоцентричный характер. Формирование европейской интеграционной

теории А. Винер (*Antje Wiener*) и Т. Диц (*Thomas Diez*) в своей книге «Теории европейской интеграции» подразделяют на три этапа. В рамках первого этапа (1960–1970-е гг.) научные школы объясняли причины европейской интеграции. На следующем этапе (1980-е гг.) научные школы анализировали уровни управления в Европейском союзе. Наконец, в рамках третьего этапа (1990-е гг.) исследовалось конструирование ЕС [Wiener, Diez, p. 6–8]. Периодизация позволяет прояснить обстоятельства формирования и динамики того или иного теоретического направления, исследуемые им объекты. Однако в эти периоды не было отмечено доминирование какой-либо теории или научных школ.

На почве изучения региональных проблем проявили себя представители *реализма, либерализма и неолиберализма*. К примеру, Э. Хаас сделал вывод о том, что европейские сообщества (ЕС) представляют собой анархичное выражение множества единств с асимметричным дублированием и бесконечно многоуровневым множеством сущностей. Леон Линдберг (*Leon N. Lindberg*) и Стюарт Шейнгольд (*Stuart A. Scheingold*) анализировали ЕС как потенциальное государство [Lindberg, Scheingold]. В рамках данного подхода проявили себя такие теоретические школы как управления, компаративной политики, политического анализа. Представители функционального направления рассматривали государство и его суверенитет как ключевой вопрос в мире назревающей войны.

В 1980-е гг., по мнению А. Винер и Т. Дица, начинается формироваться новый *аналитический подход* к изучению интеграции, в рамках которого ставятся вопросы о том, «какую политическую систему представляет ЕС», «как можно описать политические процессы, происходящие внутри ЕС», «как работает регулятивная политика ЕС» [Wiener, Diez, p. 7].

Институциональные реформы 2000-х гг. в Европейском союзе, прежде всего разработка и подписание Конституционного договора (Constitutional Treaty) и Хартии фундаментальных прав ЕС (Charter of Fundamental Rights of the European Union), а также дискуссия вокруг этих документов, которая привела к референдумам

во Франции и Нидерландах с отказом ратифицировать документы, вызвали новые исследования интеграционных процессов, ставившие своей целью понять и объяснить причины политики «стоп — иди» (stop-and-go) в процессе европейской интеграции [см.: Hooghe, Marks].

Неофункционалистское направление, добавив к идеям *функционализма* более широкое толкование интеграции, а именно переход от анархичной системы государств в сторону наднационального строительства, сфокусировалось на общественных и рыночных механизмах и на том, как эти механизмы толкают элиты к защите наднациональных институтов. Сделав акцент на взаимопроникновении и взаимозависимости различных областей внутренней политики, экономики, социальной сферы, неофункционалисты акцентировали внимание на так называемой «низовой политике» (*low politics*)*. Противоположным им является обращение к «высокой политике» (*high policy*), которая концентрируется на жизненно важных интересах выживания государства, прежде всего таких, как государственная и внутренняя безопасность.

Таким образом, в исследованиях наблюдается отход от представлений об анархичной системе государств к изучению наднациональных институтов, общественных и рыночных механизмов, роли политических элит.

Неофункционалисты выделяют три механизма содействия интеграции — «переливание через край» бюрократических (*functional spillover*), политических (*political spillover*) и культивируемых функций (*cultivated spillover*). Представители данного направления по-разному объясняют причины интеграции. Они отмечают выход взаимодействий и коммуникаций за пределы установленных границ. В связи с этим можно определить данное явление как транснационализм. К примеру, они считают, что элиты, ответственные за управление в наднациональных институтах, таких как Европейская комиссия, содействуют интеграции, поскольку они

---

* Исследования Л. Линдберга, Э. Хааса, Дж. Ная, Р. Кеохейна.

в ней заинтересованы. Однако эти механизмы не работают автоматически [Wiener, Diez, p. 9].

Изучение регионов как подсистем и теоретическое осмысление региональных интеграционных процессов не давали полного представления о сущности и особенностях такого определившегося нового актора международных отношений, как регион. Условно определим ранее использовавшиеся теоретические подходы как «старый» регионализм, который оперировал традиционными картографическими и географическими понятиями при определении региона либо использовал название региональных организаций. В целом определение регионов не выходило за пределы географической подсистемы. Этот подход используется и сегодня, однако он вызывает множество вопросов. К примеру, что есть Азия? Или какие подсистемы включает Азия? Где начинается и заканчивается Ближний Восток и начинается Африка?

Р. Келли (*Robert E. Kelly*) констатировал произошедшую аккумуляцию знаний о региональных теориях [Kelly, p. 197]. Он пишет, что до окончания холодной войны регионы рассматривались преимущественно в рамках картографического подхода. Среди первых исследователей региона как структуры с определенным внутренним взаимодействием Р. Келли отмечает Уильяма Томпсона. В 1973 г. Уильям Томпсон (*William Thompson*) дал определение индикаторов региона, проведя серьезное исследование работ по данной проблематике. Он определил четыре главные переменные, характеризующие индивидуальность региона: (1) регулярное и интенсивное взаимодействие; (2) географическая близость; (3) признание участниками региона данной подсистемы как определенного района, имеющего свои границы; (4) минимальный набор участников — два. В его подходе нормативное определение региона как организации, а также интеграция и системное/подсистемное доминирование уходят на второй план, а главными при определении статуса региона становятся характеристики взаимодействия. Подход Томпсона не получил широкой поддержки

в связи с замедлением в 1970-е гг. темпов интеграции в Европе [см.: Thompson].

Надо сказать, что такой подход встречает серьезную критику со стороны тех, кто объяснял строительство наднациональных институтов как результат сделки или договоренности между государствами в силу особых исторических и геополитических интересов.

В рамках перехода к новому международному экономическому порядку теории стали отходить от «старых» подходов, связанных с регионализмом. Например, по мнению Р. Келли, Э. Хаас стал определять интеграцию «устаревшим» подходом, а Дж. Най обратился к теории взаимозависимости [Kelly, p. 204].

Новое поколение исследователей, яркими представителями которого являются Эндрю Моравчик (*Andrew Moravcsik*) и Дж. Вейлер (*J. Weiler*), совместило неореалистическую концепцию государственного суверенитета и неолиберальный подход о предпочтениях государства к объединению, итогом которого стало формирование *неоинституционального подхода* [см.: Moravcsik; Weiler].

Новое поколение исследователей интеграционных процессов изучает государственные и надгосударственные институты не только в качестве инструментов в руках их создателей, но и то, как институты оказывают самостоятельное влияние на развитие интеграционных процессов и на европейское управление. С подписанием в 1992 г. Маастрихтского соглашения и в 1997 г. Амстердамского договора европейская интеграция вступила в новую фазу, расширив тем самым эмпирическую базу исследований. В 1980–1990-х гг. происходил сложный процесс переосмысления традиционных теорий международных отношений с приданием им новых смыслов, а также обозначился приход из социологии конструктивистских и критических подходов. Опора на онтологию и эпистемологию не являлась характерной для традиционных международных теорий.

Новый этап разработки теории был связан с соединением сравнительных и институциональных подходов, когда в центре исследований оказались проблемы сущности Европейского союза, форм и содержания деятельности его институтов, систем многоуровневого и сетевого управления. К примеру, Гари Маркс, Лисбет Хуг и Кермит Бланк (*Gary Marks, Liesbet Hooghe, and Kermit Blank*) пытались получить ответ на вопрос, является ли ЕС системой многоуровневого или сетевого управления [см.: Marks, Hooghe, Blank].

Беате Колер-Кох (*Beate Kohler-Koch*) и Джон Ругги (*John Ruggie*) стремятся доказать, что ЕС представляет собой вариант многовекторного государства [см.: Kohler-Koch; Ruggie].

Актуальными для теоретиков стали вопросы «конструирования» и определения границ европейской интеграции, проблемы легитимности европейского управления, формирование формальных и неформальных институтов, процессы европеизации и европейской идентичности.

Таким образом, региональное измерение долгое время анализировалось через призму традиционных подходов, и главным объектом анализа оставались интеграционные процессы в Европе. «Фрагментация» международной системы в 1990-е гг., распространение глобализационных процессов вызвали внутреннюю деформацию в региональных структурах и спровоцировали дискуссию о процессе построения регионализма как варианта управления и принятия решений на политическом, экономическом, институциональном и других уровнях.

Вопросы для самоподготовки

1. Когда, с вашей точки зрения, возникает региональное измерение в международных отношениях?

2. Каковы особенности теоретических подходов к изучению региона в период холодной войны?

3. Почему региональное измерение было «неинтересным» для изучения с точки зрения теоретиков в области международных отношений?

4. Какие направления теоретической мысли считаются предтечей «нового» регионализма?

Список рекомендуемой литературы

- Fawcett L.* Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism / L. Fawcett // Intern. Affairs (Royal Inst. of Intern. Affairs 1944–). 2004. Nr. 80/3. P. 429–446.
- Haas E. B.* Regime Decay : Conflict Management and International Organizations, 1945–1981 / E. B. Haas // Intern. Organization. Spring, 1983. Nr. 37/2.
- Vayrynen R.* Regionalism: Old and New / R. Vayrynen // Intern. Studies Rev. 2003. № 5/4. P. 25–51.

Лекция 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ «НОВОГО» РЕГИОНАЛИЗМА

Ключевые слова: регион как подсистема международных отношений; принцип «канделябра»; регионализм; «старый» регионализм; регионализм и глобальная система; регион; регионализация; региональная консолидация; акторность региона; макрорегион; микрорегион; «новый» регионализм; трансрегионализм

2.1. Новый региональный климат

Эндрю Харрелл (*Andrew Hurrell*) в статье «Региональное измерение в теориях международных отношений» утверждает, что до начала 1990-х гг. никакого «регионального измерения» в международных отношениях не существовало [Hurrell, p. 38]. С этим трудно полностью согласиться. Однако автор прав в том, что только в 1990-х гг. начали появляться теоретические школы, изучающие регион, регионализацию, региональную динамику. Как было отмечено ранее, до 1990-х гг. региональная динамика исследовалась главным образом в контексте отношений между государствами и формирования наднациональных институтов. Э. Харрелл называет три основные причины, изменившие традиционные подходы к изучению регионов. Во-первых, характер событий в регионе может быть таким, что традиционные подходы к рассмотрению региональных процессов через призму власти (силы) и интересов государств не являются исчерпывающими. Например, традиционный инструментарий может не подходить для анализа регионов, в которых государство исчерпало свой потенциал, межгосударственные нормы и институты не работают, и сформировались новые механизмы взаимодействия в регионах, как правило, конфликтные. Во-вторых, традиционные теории международных

отношений основываются на вестфальской модели, где ключевую роль играет национальное государство. История формирования региональных сообществ демонстрирует некоторую универсальность теоретических подходов, базирующихся на вестфальской модели международных отношений, но, с другой стороны, региональные сообщества имеют важные отличительные черты, не только по причине разных культурных традиций, но в силу кардинально отличающихся исторических траекторий развития, иной модели регионального взаимодействия, геополитических и экономических условий. В-третьих, региональная самобытность может стать основой для формирования нового региона. Здесь главную роль играет культурный фактор, который понимается как взгляды и убеждения, сформировавшиеся в обществе, и процессы социализации. Ярким примером реализации подобного принципа регионализации является АСЕАН, которая, в отличие от европейских региональных организаций, формирует свой собственный стиль регионализации на основе определенного набора норм и особого вида дипломатической культуры.

Изучение «нового» регионализма связано с чрезвычайно сложным и динамичным процессом, который может иметь разные взаимодействующие и часто конкурирующие побудительные причины: экономические и технологические трансформации; интеграцию общества; политическую конкуренцию; проблемы безопасности; роль личности и общества. Регионализм представляется как нестабильный процесс, обусловленный совершенно разными и подчас противоречивыми побудительными мотивами, который невозможно объяснить телеологически. Динамика регионов устойчиво нестабильна с очень небольшой вероятностью фиксации статус-кво. Учитывая сложность и высокую динамичность региональных процессов, маловероятно, чтобы какая-либо одна теория могла объяснить сложные процессы регионализма, не говоря уже о возможности их предсказать. Сложность изучения регионов побуждает аналитиков отойти от предположения, что регионализм — это обязательно позитивная вещь. В данном случае важно исходить из того, что регионализм — это общий термин,

который охватывает широкий спектр самых различных событий и процессов, происходящих в фиксированной области международных отношений. В связи с этим важно учитывать, что именно принимается к рассмотрению — процессы социальной или экономической регионализации; рост регионального самоопределения или идентичности; формирование межгосударственных региональных институтов или экономической интеграции, движимые государством, или появление политически сплоченных региональных блоков.

Регионализм 1990-х гг. был спровоцирован процессом децентрализации международной системы. Изменившийся региональный баланс нашел выражение в новых институциональных формах и практиках. Мы можем проследить эффект ослабления роли ООН, с одной стороны, и всплеск региональной интеграции в Азии и Америке как ответ на процессы децентрализации в евроатлантическом пространстве, с другой стороны.

Всплеск региональных конфликтов и межгосударственных войн в 1990-е гг. и очевидная слабость ООН в их разрешении вывели на первый план вопросы разделения ответственности за безопасность на региональном уровне. В теоретическом плане эти явления нашли свое отражение в понятиях «регионализация» и «субсидиарность».

Формирование новой международной среды пробудило теоретический интерес к постановке многих вопросов как относительно сущности самих регионов, их взаимодействий на уровне мировой политики, так и относительно статуса и взаимодействия отдельных игроков на региональных уровнях. К примеру, стало очевидным, что для слабых государств региональные процессы по европейскому (западному) аналогу могли привести к маргинализации их роли в регионе, с одной стороны, но и позволить участвовать в решении региональных вопросов, с другой. Однако в данном случае всегда существует опасность влияния региональных групп на процессы развития региона, формирования норм, обязательных для всех региональных игроков. Новые государства, появляющиеся в регионах со слабыми региональными организациями или

с правительствами, которые опираются на принцип силы, могут игнорировать процессы регионализации. Зачастую процессы регионализации сравнивают с процессами демократизации. Эмпирически доказано, что демократические проекты могут быть выгодными, поэтому государства стараются участвовать в процессах, опасаясь остаться вне его динамики.

2.2. Регионализм и глобальная система

Теоретики экономической регионализации рассматривают регионализацию как ответ на вызовы глобализации [см.: Gavin, Lombaerde, p. 69–83].

При формировании теоретических подходов к анализу «нового» регионализма фактор глобализации также учитывался. В 1990-х гг. общим было понимание того, что (1) глобализация является важным элементом ускорения изменений глобальной системы и (2) существует взаимосвязь между глобализацией и регионализацией [Foqué, Steenberg, p. 54–55].

Процессы глобализации оказывают влияние на деятельность всей системы международных отношений. «Новый» регионализм нужно понимать как многомерный и многоуровневый процесс, который не сформирован исключительно вокруг оси суверенного государства, но отражает деятельность государства, негосударственных акторов, социальных групп и сетей. Многие общие темы глобализации (большой плюрализм субъектов, новый ряд проблем, многоуровневые или гибридные формы правления) естественным образом реализуются на региональном уровне.

Приведем некоторые аргументы, подтверждающие взаимосвязь между регионализацией и глобализацией. Регион является наиболее подходящим и жизнеспособным уровнем для согласования действий в ответ на изменения и усиление давления глобальной капиталистической конкуренции, с одной стороны, и необходимость политического регулирования и управления, с другой. На региональном уровне легче вести переговоры об усилении интеграции и введении правил, необходимых для регулирования

процесса глобализации, достичь общественного консенсуса, ввести политическое управление вне рамок государства. Для многих развивающихся стран регионализм может быть частью процесса контролируемой интеграции в мировую экономику. Для развитых стран регионализм предлагает благоприятный уровень решения вопросов либерализации рынка, с одной стороны, социальной защиты и суверенитета, с другой.

В работе Рене Фоке и Жака Стинбергена «Регионализм: конституциональная основа глобальным вызовам?» регионализм рассматривается как ответ на вызовы глобализации [Foqué, Steenbergen, p. 54–67]. В качестве примера авторы рассматривают две организации, которые структурируют пространство глобализации, — ВТО и ЕС. Европейский союз является региональной инициативой, которая вышла за рамки возможностей ее изучения традиционными теориями. ЕС рассматривается авторами как своего рода лаборатория для изучения взаимосвязи между процессами регионализации и конституционализации. Они выделяют два типа региональных организаций: технические и политические. Технические организации, созданные для решения технических региональных вопросов, могут управлять и выстраивать структуру, подобную правилам управления, которые применяются в отношении частных организаций и традиционных межправительственных организаций. Что касается организаций, созданных для решения политических вопросов, то их структура должна соответствовать политическим структурам, в рамках которых принимаются политические решения. Общество не может контролировать процессы глобализации. Изоляционистская позиция государства может спровоцировать ухудшение ситуации. Отсюда важна роль региональных структур, в рамках которых возможен рациональный ответ на вызовы глобализации.

В политическом плане можно говорить о двух подходах к регионализму. В первом случае констатируется наличие регионализма и обращается внимание на его конкретные модели. В ответ на появление европейской модели (ЕС) появляются институциональные конкуренты, к примеру, Североамериканское соглашение

о свободной торговле (НАФТА), ШОС, БРИКС, Таможенный союз. Во втором случае осуществляется обучение регионализму, к примеру, со стороны Европейского союза, стран Средиземного моря и Северной Африки, балканских государств, Закавказья и Центральной Азии.

2.3. Теоретический фундамент «нового» регионализма

Теории «нового» регионализма получили широкое распространение в 1990-х гг. Источником для формирования данного подхода стали теоретические исследования, получившие стремительное развитие в период после окончания холодной войны. В работе «Теоретические исследования на тему роста региональной консолидации» Бьорн Хеттне и Фредерик Содербаум считают отправной точкой «нового» регионализма метатеоретические подходы, такие как глобальная социальная теория, социальный конструктивизм и компаративные региональные исследования [см.: Hettne, Soderbaum, p. 113–124].

Под *глобальной социальной теорией* подразумевается всесторонняя (комплексная) социальная теория, которая отказывается от центральной роли государства [Ibid.]. Социальные процессы анализируются вне национального измерения. Этот подход является своего рода связующим звеном между мировой политической экономией и политической экономией, так как «международное» измерение не является более критическим для исследователей. Можно говорить о формировании «новой» или «критической» политической экономии, которая имеет дело с историческими структурами власти, указывая на противоречия в них, как и на изменения и трансформации, выраженные в нормативных терминах.

Такой многосторонний фокус на истории позволяет уйти от неизменяющихся трансисторических теорий, искусственно наложенных на неизменяющуюся реальность и определяющих, что есть главное направление в международной теории (МО и МПЭ).

Глобальная социальная теория выходит за рамки мистификации процесса глобализации и отвечает за то, какие конкретные процессы сейчас происходят и как они взаимодействуют. Глобальной социальной теории приходится оперировать в терминах микро-макро отношений, поскольку различия между международным уровнем и национальным стали трансцендентными.

Социальный конструктивизм является вторым важным основанием для теоретического понимания региональных процессов. Теории конструктивизма дают богатую теоретическую основу концептуализации взаимодействия между материальными стимулами, интересубъектными структурами, идентичностью и интересами акторов [см.: Hettne, Soderbaum, p. 113–124].

Конструктивисты подчеркивают значение разделяемых всеми знаний, умений, идейных сил, нормативных и институциональных структур. Понимание интересубъектных структур позволяет проследить путь формирования и изменения интересов и идентичностей, возникновение новых форм сотрудничества и сообществ. Конструктивизм является социологическим подходом к системной теории и основывается на положении о том, что политические сообщества не являются привнесенными извне, а сконструированы исторически протяженным взаимодействием. Особое внимание уделяется вопросу о том, что регион является конструируемым и консолидированным. Регион конституирует открытый процесс и может быть определен только постфактум. Регионы являются социальными конструкциями, и описание процесса регионализации является процессом конструирования региона. Таким образом, нет определенно заданного региона, нет интересов регионализации, а есть идентичности и интересы, которые возникают в процессе взаимодействия. Но никакое взаимодействие невозможно без наличия некоторых общих интересов. Регионализация — это процесс. В целом, конструктивизм наполняет новым содержанием понятие «регион», делает его гибким, «мягким», адаптируемым и подлежащим множеству интерпретаций.

К апологетам сравнительных подходов зачастую относят экспертов, занимающихся исследованием конкретных примеров

проявлений регионализма. Их часто критикуют за отказ от релятивистских подходов и сравнивают их исследовательскую базу с экспериментальными методами. Однако именно сравнительные учения позволяют уйти от манипуляции теориями в региональных ситуациях (например, от этноцентричных подходов). Сравнительные подходы оперируют такими методами как обобщение, сравнительный анализ.

Все три теоретических подхода сформировали основу для анализа региональных процессов, фокусируясь на том, что есть регион в рамках глобальной динамики.

2.4. Новизна теоретических подходов «нового» регионализма

Концепция региона является фундаментальной для регионального анализа. Исходя из этого, важно определить, в чем проявляется новизна нового регионального подхода.

«Новые» регионалисты делают основной акцент на понятие «регион» в значении «актор международных отношений». Таким образом, регион перестает быть объектом международных отношений (уровнем анализа), а становится субъектом, действующим лицом в международных отношениях. Региональный уровень исследования позволил сформировать новую нишу в исследовании международных отношений, отличную от национального уровня и глобального. По мнению Б. Бузана и Дж. Уэвера, региональный уровень исследования позволяет «дать наиболее сбалансированную интерпретацию большей части вопросов безопасности» [Buzan, Waever, p. 481]. Регион, таким образом, превращается в некую силу или потенциальную силу, которая влияет на региональное управление и региональные решения [Ibid.].

Концепция региона используется по-разному в различных дисциплинах. В области географии регионы, как правило, рассматриваются как субнациональные субъекты либо исторические провинции (которые могли бы стать нациями-государствами) или недавно созданные структуры.

В международных отношениях регионы часто рассматриваются как наднациональные подсистемы международных отношений. Это имеет определенное значение при оценке того, чем являются эти регионы — подсистемами в СМО или новыми региональными образованиями с их собственной динамикой. Такие макрорегионы могут быть определены по-разному: в качестве географических континентов или наднациональных образований стран, имеющих общие политические и экономические проекты и определенную степень общей идентичности. Минимальное (минималистское) определение региона мира, как правило, включает ограниченное число государств, связанных друг с другом географическими отношениями и определенной степенью взаимозависимости.

С точки зрения более широкого подхода, регион может быть определен как область, состоящая из государств, которые имеют некоторые общие этнические, языковые, культурные, социальные и исторические связи. Если использовать комплексный подход, то регионы могут быть дифференцированы с точки зрения социальной сплоченности (этнической принадлежности, расы, языка, религии, культуры, истории, сознания, общего наследия), экономической сплоченности (наличие инфраструктуры торговли, экономической взаимодополняемости), политической сплоченности (типы режима, идеологии) и организационной сплоченности (наличие официальных региональных учреждений).

В данный момент исследователи исходят из того, что не существует «естественных» регионов. Определение «регион» может варьироваться в зависимости от конкретной проблемы или вопроса, в рамках которого проводится исследование.

Зачастую регион упрощенно ассоциируется с конкретной региональной организацией. Организация представляет собой некую форму сотрудничества между государствами и другими субъектами. Это становится возможным при наличии реального опыта сотрудничества, общих интересов в едином политическом сообществе, и, таким образом, регион является «реальным». Ранее основным императивом для определения региона являлось наличие

региональной интернационализации и интеграции рынка. В рамках современного подхода регион может не совпадать с институциональной формой, может включать несколько организаций или их пересечение.

Концепция регионализма является одной из наиболее дискуссионных в современных теориях международных отношений. Поэтому важно определить понятия, которыми оперирует теория «нового» регионализма, такие как «регион», «региональное сотрудничество», «региональная интеграция», «регионализм», «регионализация» и «региональная консолидация» (*regionness*).

2.5. Тезаурус «нового» регионализма

Рассмотрим понятия «регион», «регионализация», «регионализм» и «региональная консолидация» (*regionness*), «региональное сотрудничество», «региональная интеграция».

Начнем с понятия *регион*. Большинство авторов «нового» регионализма признают тот факт, что определение региона как территориального или географического пространства является недостаточным. Регионы — это «не просто географические и административные объекты, а субъекты в процессе создания (или решения)». «Их границы могут изменяться, и поэтому важен их потенциал в качестве акторов, зависящий от уровня их региональной сплоченности (*regionness*)» [Hettne, p. 459].

Другой подход предполагает, что регионы представляют собой объединения или «зоны» на основе групп, государств или территорий, участники которых имеют некоторые общие идентифицируемые признаки. К примеру, таковыми являются Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Организация исламских стран, G-22.

Центральным элементом таких зон (регионов) является то, что они меньше, чем международная система государств, но больше, чем любое отдельное государство или негосударственный блок. Они могут являться как постоянными, так и временными, как институционализированными, так и неинституционализированными

[Fawcett, 2005, p. 24]. В таком случае регион может состоять из двух и более государств. Эти государства составляют географически связанную группу. Взаимоотношения между ними характеризуются взаимным интересом в области безопасности и взаимоотношения между ними являются более тесными в рамках данного региона, чем за его пределами. Степень взаимозависимости в области безопасности должна быть интенсивной и продолжительной [Buzan, Waever, 2010, p. 15]. Без объяснения других взаимосвязанных процессов сложно определить регион в качестве актора международных отношений.

Регионализм и регионализация рассматриваются в научной литературе в качестве процессов или политики внутри региона, которые влияют на формирование собственно региональной динамики. Однако сами процессы рассматриваются по-разному.

Чаще всего регионализм рассматривается как политическая деятельность акторов (как государственных, так и негосударственных) с целью систематизировать порядок в пределах регионов. Более узкое трактование данного понятия относится к конкретным региональным проектам. В других подходах главным действующим лицом в организации мира в рамках регионов является государство, однако не все с этим согласны. По утверждениям Марио Тело (*Mario Telo*), «регионализм — это возглавляемый и осуществляемый государствами и компаниями проект, направленный на реорганизацию международной системы». Новаторство заключается в том, что «регионализм рассматривается как то, что строится, и постоянно реконструируется посредством коллективных действий человека», выходящих за рамки деятельности только государств [Telo, p. 8]. Другие авторы не совсем согласны с данным суждением и предлагают ограничиться пониманием регионализма как государственных проектов [см.: Gamble, p. 28].

Ф. Содербаум пишет о том, что регионализм включает в себя понятие некой региональной эволюции — «региональной консолидации» [см.: Soderbaum, 2008].

Процесс регионализма может быть проанализирован по трем составляющим: региональная консолидация, международное присутствие региона, акторность.

Региональная консолидация включает внутреннюю интеграцию и формирование идентичности региона, которые проявляются в следующих формах: социальная система, региональный комплекс, межгосударственное сообщество, региональное сообщество и институциональная политика [см.: Hettne, Soderbaum, Stalgren].

Международное присутствие, т. е. способность действовать на международной арене, зависит от размеров региона, сфер влияния внешней политики, военной мощи и т. д. Оно может рассматриваться как сложная переменная и быть сильным или слабым. Акторность самого региона зависит от его способности последовательно действовать на внешнем уровне и от разделяемых участниками общих ценностных подходов и принципов, внутренней легитимности процесса принятия решения, способности разграничить приоритеты политики и возможности использовать политический, экономический и другой инструментарий.

Регионализм рассматривается как политика и проект государств и негосударственных субъектов с целью развития сотрудничества и координации своих стратегий в данном регионе. Целью регионализма является реализация или продвижение одной и более целей. Таким образом, здесь мы можем говорить о двух формах регионализма — *мягком регионализме*, когда речь идет о формировании чувства региональной осведомленности или осознания себя сообществом, и *жестком регионализме*, когда речь идет о консолидации региональных групп и сетей в пан- или субрегиональные группы, которые оформляются межгосударственными договоренностями и институтами. Жесткий регионализм может предшествовать или вытекать из мягкого регионализма. В качестве сравнения можно сослаться на европейский и арабский опыты регионализации.

Региональная сплоченность (regionness). Под этим термином понимается «долгосрочный исторический процесс, который

меняется с течением времени от принудительных форм строительства (империи) к добровольному сотрудничеству» [Hettne, p. 548].

Рассмотрим теперь, в чем заключается различие между понятиями *региональное сотрудничество* и *региональная интеграция*. Региональное (межправительственное) сотрудничество и региональная (наднациональная) интеграция являются противоположными полюсами. Региональное сотрудничество предполагает, как правило, совместное участие государств в межправительственных институтах с целью решения путем коллективных действий экономических вопросов, политических и в области безопасности. Региональная интеграция, напротив, предполагает надстраивание наднациональных институтов, которым политическая власть делегирует принятие обязательных решений, например, в области ликвидации национальных барьеров на пути экономических и социальных обменов (**market-making**), или **регулирование отрицательных** последствий экономической либерализации (**market-correcting**), или мирное урегулирование международных конфликтов (**settling international conflicts**) [Börzel, p. 10].

Исследователи выделяют пять уровней региональной сплоченности, а именно *региональное пространство, транслокальную социальную систему, международное сообщество, региональное сообщество и регионально институционализированное государство*.

Региональное пространство является географической областью, разделенной более или менее естественными физическими барьерами. В социальном плане регион организован как группа людей, сначала в относительно изолированных социумах, но в дальнейшем во все более организованных транслокальных единицах. Социальная система региона формируется через интенсификацию постоянно растущих транслокальных отношений, составные части которых находятся в зависимости друг от друга и оказывают влияние на общую стабильность системы.

Регион как международное сообщество характеризуется набором норм и правил, проявлением предсказуемости в системе. Регион как сообщество принимает форму тогда, когда прочная

организационная структура способствует и содействует социальной коммуникации и конвергенции ценностей и форм поведения в регионе. Наконец, в региональном сообществе присутствуют более фиксированная структура принятия решений и явно выраженные возможности действовать в качестве самостоятельного актора. Пять уровней не должны истолковываться в детерминированной манере как необходимая последовательность. Поскольку регионализм является в значительной степени политическим проектом, созданным человеком, он может, как и проект создания любого государства, быть неудачным. С этой точки зрения, снижение региональной консолидации может означать исчезновение самого региона.

Таким образом, эндогенные причины региональной сплоченности (*regionness*) и экзогенные причины, вызванные глобализацией, требуют отдельного самостоятельного изучения. Глобализм и регионализм превратились в конкурирующие способы формирования и понимания современного мира. Поскольку последствия глобализации различаются по результатам своего воздействия в различных частях мира, сам процесс регионализации также имеет отличия в рамках динамичного мира — регионов, тем самым придавая новые формы новым разновидностям регионализма.

Понятие *регионализация* часто используется как синоним понятия «регионализм», хотя на самом деле оно имеет несколько важных отличительных признаков. Если регионализм представляет собой политику, то регионализация является прежде всего процессом. Как и глобализация, регионализация может быть запущена в результате спонтанных или автономных сил. По своей сути это означает концентрацию некой деятельности — торговля, движение населения, идеи, даже конфликт, только на региональном уровне. Это взаимодействие может приводить к формированию регионов и, в свою очередь, к возникновению региональных субъектов, сетей и организаций. Таким образом, регионализация может как предшествовать, так и стать следствием регионализма. Регионализация торговли, рынков и инвестиций приводит к формированию

региональной интеграции и может стать причиной формирования торговых союзов, блоков и формальных институтов.

Регионализация относится к наиболее сложным процессам формирования регионов, независимо от того, является ли она сознательно планируемым процессом или вызвана спонтанными действиями ее участников. Регионы могут формироваться разными способами. Одна из концепций регионального строительства была выстроена по аналогии с концепцией национально-государственного строительства, а именно как общность «идей, динамики и средств, которые способствуют изменению географической области в политически построенное сообщество» [Hettne, p. 545].

Ивер Нойманн (*Iver B. Neumann*), напротив, подходит к данному вопросу с позиций постструктурализма, в рамках которого регион рассматривается им как «формирующийся в рамках внутреннего и внешнего дискурса» [Neumann, p. 53].

В области безопасности регионализация стала приобретать иной смысл. Она стала рассматриваться как реальный ответ на регионализированные (*regionalised*), а не глобальные конфликты. Конфликты регионального уровня могут иметь тенденцию «переливания» за границы регионов и втягивать в их орбиту не только локальных партнеров, как это было в случае с Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС) в период интервенции в Сьерра-Леоне. В регионах, чьи собственные институты слабы или отсутствуют, можно наблюдать растущую тенденцию к участию «внешних» региональных объединений. В качестве примеров приведем интервенцию НАТО в Афганистане или Европейского союза (ЕС) в Конго.

Классификация регионов. Некоторые эксперты выделяют три типа регионов: регионы мира, периферийные регионы, сопредельные регионы. Регионы различаются их относительной степенью экономического динамизма и относительной политической стабильностью. Разграничительная линия может пройти по уже существующим государствам. Пограничные линии непостоянны. Скорее, можно было бы говорить об иерархической структуре, состоящей из зон, в которые регионы могут входить или не

входить в зависимости от их экономического положения и политической стабильности, а также уровня их региональной сплоченности (*regionness*). Это означает, что регионы могут быть по-разному скомпонованы и классифицированы в зависимости от конкретных случаев. Уровень региональной сплоченности можно целенаправленно менять. Региональное сотрудничество в области безопасности может привести к увеличению стабильности в регионе, что делает его более привлекательным для международных инвестиций и торговли и более эффективного использования имеющихся ресурсов.

Бьорн Хеттне (*Björn Hettne*) предлагает рассматривать регионализм с трех позиций: измерение региона (*dimensions*), оценка акторов, уровни региона [Hettne, p. 550].

Измерение регионов. Центральным вопросом в исследовании регионов является торговля. В прошлом региональные блоки ассоциировались с торговыми объединениями. Затем к торговому измерению региона стали добавляться такие как безопасность, устойчивое развитие и др. Различают несколько типов регионализма в соответствии с его назначением: торговые блоки; монетарный регионализм; регионализм, связанный с проблемами устойчивого развития (сочетание торгово-экономических и политических региональных процессов с другими, такими как защита окружающей среды, миграция); регионализм в области безопасности.

Регион как актер (actorness). Регион может быть представлен на мировой арене опосредованно через представительство региональной организации. Как правило, представительство предполагает более широкие возможности действия и место для маневра, а в некоторых случаях имеет даже статус юридического лица. Представительство (*actorness*), будучи тесно связанным с другой функциональной обязанностью — региональной сплоченностью (*regionness*), подразумевает эндогенный процесс повышения сплоченности и усиливает региональное присутствие, региональное взаимодействие, а также влияние регионального актора во внешней среде.

Все это способствует усилению политических амбиций региона, возрастанию региональной сплоченности, формированию его идентичности и региональной идеологии. Общность ценностного подхода может иметь место, даже если это не явная цель проекта.

Уровни регионов. Ф. Содербаум рассматривает регионализм как многомерное и плюралистическое явление с участием разных акторов, проявляющих себя в разных ролях [Soderbaum, p. 87]. Регионализм проявляется на разных уровнях (например, на макроуровне, субуровне и микроуровне). Макрорегионы, или «регионы мира», рассматриваются как крупные территориальные единицы или подсистемы, нечто среднее между «государством» и «глобальным» уровнем (типа Европейского союза), в то время как микрорегионы соответствуют «национальному» и «местному» (муниципальному) уровням или субнациональному (к примеру, регион Фландрия).

Выявление особенностей региональных пространств стало задачей таких теоретических направлений как конструктивизм и ряда других аналитических конструкторов. В любом случае современное понимание регионов выходит за пределы естественных географических, национальных и межнациональных границ.

Некоторые исследователи, среди них Ш. Бреслин и Г. Хук (*Shaun Breslin and Glenn D. Hook*), выделяют, по крайней мере, три общих по масштабам и уровням региона [см.: Breslin, Hook]. Макрорегионы («регионы мира» или «международные регионы») — это большие территориальные единицы или подсистемы, нечто среднее между государственным и глобальным уровнями. За ними следуют субрегионы (или мезорегионы). Префикс суб- указывает на то, что они могут рассматриваться только в связке с макрорегионами (например, не может быть субрегионов без ссылки на большой макрорегион). Субрегионы похожи на макрорегионы в том, что они также существуют между глобальным и национальным уровнями, но на более низком уровне, чем макрорегионы (например, региональные территории, включающие целые группы стран). Северные страны в Западной Европе является одним из таких примеров. Эти два уровня регионов стали основными уровнями теоретического анализа.

Микрорегионы занимают место между «национальным» и «местным» (локальным) уровнями, потому что они включают «субнациональные» территории, а не целые страны. Исторически сложилось так, что микрорегионы рассматривались как субнациональные регионы в территориальных границах нации-государства (или ранее — империй). Это одно из основных объяснений, почему типологически исследование микрорегионов было отделено от макрорегионов. Другая причина заключается в том, что исследователи в первую очередь обращали внимание на масштабы регионов и не обращали достаточного внимания на малые формы.

Новым в современных исследованиях является то, что строительство микрорегионов в последнее время превратилось в стратегическую цель ряда государственных и частных сил внутри и за пределами национальных границ конкретного государства. Обратимся, к примеру, к успешно действующему проекту «Четыре мотора для Европы» (*Four Motors for Europe*), созданному 9 сентября 1998 г. четырьмя крупнейшими регионами Европы (Баден-Вюртемберг в ФРГ, Каталония в Испании, Рона-Альпы во Франции и Ломбардия в Италии). Позднее к «Четырём моторам для Европы» присоединились в качестве ассоциированных членов Уэльс (Великобритания), Фландрия (Бельгия) и Малопольско (Польша).

Задача проекта заключается в том, чтобы способствовать интернационализации своих регионов и содействовать повышению роли регионов в Европе в рамках европейской интеграции. Отсутствие общих границ и постоянных бюрократических структур придал «Четырем моторам для Европы» гибкий характер альянса, который поддерживается децентрализацией сотрудничества. С 2007 г. альянс разработал новый стратегический подход, который ориентирован на повышение конкурентоспособности экономического, научно-технического сотрудничества четырех регионов в контексте глобальной взаимозависимости и приверженности к устойчивому развитию [см.: *Quatre Motors per L'Europe*].

С 2002 г. альянс имеет постоянные представительства в Пекине (Китай), Атланте (США), Праге (Чехия), Схирате (Марокко), Нью-Дели (Индия), Екатеринбурге (Россия), Игуасу, Куритиба и Белу Оризонте (Бразилия) [*Ibid.*].

В последние десятилетия стратегия микрорегионализма проявляется во многих частях земного шара, особенно активно она разрабатывается и применяется в Европе и Юго-Восточной Азии. Важно учитывать появление одного и того же явления в разных частях мира. Микрорегионы могут находиться в пределах границ того или иного государства или выходить за его пределы. Формирование микрорегионов становится возможным в результате деятельности сетевых структур и развития сотрудничества [см.: Perkmann].

Размеры микрорегионов могут быть различными, как небольшими, так и достаточно значимыми, по типу сети Текс-Мекс. Тем не менее, очевидно, что на микроуровне формы регионализма иногда могут быть менее формальными, чем в рамках макрорегионов. Они могут быть в большей степени ориентированы на деятельность частного сектора. Следует также отметить возросшее влияние негосударственных акторов на динамику внутри макрорегионов. Размытость границ, множественность акторов делает все более сложным разделение между макро- и микрорегионами. Можно выделить пять основных типов микрорегионов, которые имеют отношение к субнациональным, а также приграничным регионам: физико-географические регионы; культурные области; экономические районы; административные/плановые регионы и политические регионы [см.: Keating].

Бьорн Хеттне дает свою дифференциацию уровней регионов, однако он исходит из критериев процессов внутри самих регионов. Б. Хеттне выделяет два типа регионализма: «низкий» (*lower level regionalism*) и «высокий» (*high level regionalism*) [см.: Hettne, p. 557–559]. Для низкого типа регионализма характерно разделение регионов на типы по их уровню и масштабам, что напоминает критерии Содербаума. Региональная динамика «высокого» типа регионализма имеет структурные последствия и выходит за пределы конкретного региона. Здесь мы можем говорить о межрегиональных процессах, которые в силу интенсификации связей могут перерасти в мультирегионализм. Мультирегионализм рассматривается как перспектива регионализма, в рамках которой возможна институционализация новой структуры мирового порядка.

По мнению большинства исследователей, сегодня сложно строить прогнозы относительно будущего межрегиональных отношений. Механизмы формирования регионализма являются трудно-предсказуемыми, а механизмы сотрудничества преимущественно добровольными. Формы и уровни регионализма разнообразны, и зачастую их непросто классифицировать.

Теоретическое направление «новый регионализм» является новым взглядом на то, что есть регион; на процессы, происходящие внутри региона; на причины и истоки региональной консолидации; на роль политики в формировании региона.

Отличия между «новым» регионализмом, присущим международным отношениям конца XX в., от так называемого «старого» регионализма, вслед за шведским профессором Бьорном Хеттне представлены А. Макарычевым в виде следующей таблицы:

**Сравнительный анализ теоретических подходов
к региональной интеграции [Макарычев, с. 15]**

«Старый» регионализм	«Новый» регионализм
Существовал в условиях биполярности	Развивается как современная версия многополярности
Формировался в значительной мере «сверху», под контролем двух конкурирующих сверхдержав	Формируется «снизу» в том смысле, что процесс современной регионализации содержит элементы спонтанности и автономии его акторов
Имел протекционистский характер	Стремится к реализации идеи «открытого регионализма», совместимого с экономической взаимозависимостью
Как правило, чётко ориентировался на решение либо экономических проблем, либо проблем безопасности	Более многомерен, так как параллельно включает в себя торгово-финансовое, экологическое, социально-политическое и иные измерения
Включал в себя исключительно отношения между суверенными государствами	Предполагает участие негосударственных и субнациональных акторов

Теории «нового» регионализма включили в себя целый ряд исследовательских школ, такие как глобальные социальные подходы, конструктивистские подходы и др. Новый подход ввел новый

тезаурус в региональные исследования: регионализм и регионализация, региональная консолидация и др. Однако следует отметить, что «новый» регионализм является лишь обобщающим термином, обозначающим общность взглядов на новую роль регионов в международных отношениях.

Вопросы для самоподготовки

1. Какие направления теоретической мысли считаются предтечей «нового» регионализма? Почему стало возможным формирование нового взгляда на региональную динамику в современных международных отношениях?
2. Какие теоретические подходы стали основой для формирования теорий «нового» регионализма?
3. В чем принципиальное отличие теорий «нового» регионализма от предыдущих исследований?
4. Какие понятия формируют тезаурус теорий «нового» регионализма? Почему?
5. В чем заключается комплексность регионального исследования?

Список рекомендуемой литературы

- Макарычев А. С.* Российские регионы и глобализация / А. С. Макарычев // Intern. Policy Fellowships [сайт]. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus21.htm> (дата обращения: 20.05.2014).
- Fawcett L.* Exploring Regional Domains : A Comparative History of Regionalism / L. Fawcett // Intern Affairs (Royal Inst. of Intern. Affairs 1944-). 2004. № 80/3. P. 429–446.
- Haas E. B.* Regime Decay : Conflict Management and International Organizations, 1945–1981 / E. B. Haas // Intern. Organization. Spring, 1983. № 37/2.
- Hettne B.* Beyond the «New Regionalism» / B. Hettne // New Political Economy. 2005. № 10/4. P. 543–571.
- Hettne B.* Security and Peace in Post-Cold War Europe / B. Hettne // J. of Peace Research. 1991. № 28/3. P. 279–294.
- Kelly R. E.* Security Theory in the «New Regionalism» / R. Kelly // Intern. Studies Rev.. Summer, 2007. № 9/2. P. 197–229.
- MacFarlane S. N.* Regional Organizations and Regional Security / S. N. MacFarlane, T. G. Weiss // Security Studies. 1992. № 2/1. P. 6–37.
- Vayrynen R.* Regionalism: Old and New / R. Vayrynen // Intern. Studies Rev. 2003. № 5/4. P. 25–51.

Лекция 3

АЗИАТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Ключевые слова: азиатский регионализм; участвующие экономики; сетевой регионализм, движимый рынком; «путь АСЕАН»; АТЭС; АРФ; АСЕАН

3.1. Почему мы говорим об азиатском регионализме?

Регионализм в большей степени изучался и изучается как процесс и как политика, свойственная для Европейского континента. С одной стороны, взяв за идеал процесс европейской регионализации, можно сделать вывод, что в Азии нет столь глубинной региональной интеграции, как в Европе, а имеются лишь некоторые легкие формы интеграционных процессов. В связи с этим возникает сложность применения теорий регионализации и регионализма применительно к Азии. Мы исходим из того, что Азия представляет собой особый, отличный от европейского опыта пример цивилизационной динамики. С легкой руки С. Хантингтона в 1990-е гг. стала популярной точка зрения о «столкновении цивилизаций», которая провела культурную и историческую грань между европейской и другими цивилизациями. Не вступая в содержательную дискуссию относительно теоретических взглядов С. Хантингтона, отметим, что в области региональных процессов можем наблюдать схожую и отличную по сравнению с европейской динамику. В Азии экономические интеграционные процессы приобретают схожую с Европой институциональную форму (АСЕАН, АРЭС и др.). Политика регионализма, проводимая правительствами государств Азии, имеет схожие черты с европейской политикой, однако ее специфика формирует особую форму регионализма, которую мы здесь рассматриваем как азиатский регионализм.

3.2. Эволюция азиатского регионализма

Историю формирования азиатского регионализма можно представить в виде трех основных исторических периодов, каждый из которых может быть разделен на подпериоды или подэтапы, которые характеризовались важными инициативами или процессами.

Начало формирования азиатского регионализма можно условно определить периодом окончания Второй мировой войны, хотя существует точка зрения, что региональные концепции и регионалистское движение существовали и в довоенный период. Следует отметить, что ряд экспертов предполагает два периода формирования азиатского регионализма. Первый включает период сразу после окончания Второй мировой войны и захватывает весь период холодной войны. Этот этап характеризуется как период построения региональной динамики под руководством «великих держав», таких как США, Великобритания и Япония. Инициативы последней зачастую рассматривают как проведение политики Соединенных Штатов. Второй этап включает период после окончания холодной войны. Американский профессор индийского происхождения А. Ачария (*Amitav Acharya*) полагает, что этапов становления азиатского регионализма было как минимум три, и все они предполагали наличие параллельных процессов, а именно внешнего воздействия великих держав на формирование регионализма и собственно внутренней азиатской динамики [Acharya, 2012в]. Исследователь выделяет три следующих этапа: 1947–1967 гг. — формирование «паназиатского» регионализма; 1967–1990 гг. — формирование Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества и усиление роли АСЕАН; с 1990 г. — возникновение инфраструктуры «нового» азиатского регионализма.

Первый этап можно определить как паназиатский (*Pan-Asianism* или *Macro-Asianism*), начало которому было положено Первой конференцией по отношениям в Азии (*Asian Relations Conference*, 1947), и заканчивается формированием в 1967 г. Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (*Association of South East Asian Nations* — АСЕАН). В данный период происходит борьба между двумя концепциями регионализма.

Первая концепция регионализма была озвучена на азиатских конференциях 1947 и 1949 г., на которых также приняли участие представители Западной и Центральной (Южной) Азии и Австралии. Инициатором данных конференций выступила Индия. Эти конференции получили общее название как конференции по отношениям в Азии. Их первоначальной целью являлось создание политического давления для интенсификации процессов деколонизации (невоенного давления) и формирование коллективного голоса или идентичности в рамках новых национальных и государственных построений в Азии. Несмотря на то, что инициатива данных конференций шла от Индии при активном содействии Китая, конференция в Бандунге (Индонезия) в 1949 г. проводилась под председательством пяти государств: Индии, Индонезии, Пакистана, Цейлона и Бирмы. На первых азиатских конференциях обсуждались вопросы политической безопасности и экономики. Доминировавшим настроением в области экономики был вовсе не экономический либерализм с его основополагающим представлением об открытости рынков, а экономический национализм.

Иной подход к регионализму формируется в 1950-е гг. и может быть охарактеризован как регионализм «в рамках орбиты великих держав» (*regionalism within great power orbit*). Этот тип регионализма опирался на стремление США, поддержанное Великобританией, создать региональные коллективные системы военно-политической безопасности. Создание *CEATO* (*South East Asia Treaty Organization*) в 1954 г. было нацелено на сдерживание прежде всего коммунистического Китая в Азиатском регионе. Также организация предусматривала экономическую помощь странам региона.

Ни одна из этих форм регионализма не смогла укорениться в Азии, поскольку не удалось создать долговременные жизнеспособные региональные органы. Причины могут найти объяснение через антиномию возможностей и легитимности. В декларациях Бандунгской конференции было больше легитимности, чем реальных возможностей, в то время как силы, стоящие за СЕАТО, имели больше возможностей, чем легитимности.

Региональные инициативы в рамках азиатских конференций сталкивались с проблемами их финансирования Индией и Китаем, а также с неуверенностью в дееспособности азиатских стран в борьбе за колониальные свободы. Кроме того, сказывалось внутрирегиональное соперничество. Индонезия и ряд других государств опасались возвышения и лидерства Индии. В рамках СЕАТО, напротив, существенную роль играли инвестиционные возможности США в регионе. В 1957 г. в рамках СЕАТО странам Юго-Восточной Азии была оказана помощь в размере 600 млн долл. США. Опасаясь китайского вторжения в Индокитай, США инициировали процесс создания региональной коллективной обороны, включая возможность использования ядерных сил. Проблема с легитимностью СЕАТО заключалась в том, что организация была представлена двумя государствами Юго-Восточной Азии — Филиппинами и Таиландом, в то время как Индия, Индонезия, Бирма и Цейлон ставили под сомнение легитимность азиатской интеграции в духе холодной войны под руководством иностранных (внерегиональных) держав. Идеологически эта политика рассматривалась ими как новая форма колониального господства. Ряд стран отказались от участия в договоре. Например, Индонезия и Бирма (Мьянма) рассматривали договор под углом потери независимости. СЕАТО включил представителей только трех азиатских стран — Филиппин, Таиланда и Пакистана.

Слабость СЕАТО была не единственным проявлением неспособности США организовать эффективное региональное объединение в Юго-Восточной Азии и Азии в целом.

Примерно к таким же отрицательным результатам привел план администрации президента США Л. Джонсона в середине 1960-х по созданию Ассоциации развития Юго-Восточной Азии (*SEADA*). Задачей ассоциации было объединение народов и правительств стран Юго-Восточной Азии в конструктивную ассоциацию экономического развития с целью развития сотрудничества друг с другом и с развитыми странами для создания регионального политического устройства и уменьшения напряженности. Участие региональных стран предполагалось максимальным,

за исключением Вьетнама. Финансовая помощь была запланирована значительной. В целом, администрация США предполагала, что поддержка региональной группировки потребует около 6,4 млрд долл. в течение десятилетнего периода. Если учитывать и военную помощь, эта сумма могла составить 8 млрд долл. на следующие 10 лет.

Неэффективность регионализма, управляемого из США, заключалась в том, что финансовые возможности в этот период были ограничены из-за войны США с Вьетнамом, но в большей степени осложнялась из-за внутренних региональных инициатив этого периода. К этому времени проявилось различие подходов в азиатских государствах к региональной политике. В 1960 г. были сформированы Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСА) и в 1963 г. *MAPHILINDO* (*Greater Malayan Confederation*), включающая Малайзию, Филиппины и Индонезию. Несмотря на то, что эти инициативы были недолгими, они заложили основу для создания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1967 г. Организация АСЕАН стала выражением общей озабоченности вопросами защиты от коммунистической угрозы, а также продемонстрировала намерение отказаться от внешнего влияния и вмешательства в дела Юго-Восточной Азии.

По мнению А. Ачарии, судьба СЕАТО продемонстрировала неспособность построить извне регионализм в Азии. В подавляющем большинстве регионализм был использован новыми независимыми государствами для укрепления своей легитимности в качестве акторов и агентов международных отношений. В рамках этой организации был сделан небольшой акцент на развитие зоны свободной торговли и на соглашение о коллективной обороне. Идея о возможности гегемонии в регионе (внешней или внутренней) встретила сопротивление, и не только в случае с США и Великобританией в рамках спонсорства СЕАТО, но и в случае возможного доминирования КНР и Индии в рамках азиатской региональной группировки. Таким образом, послевоенный опыт регионального строительства не получил значимого продолжения вплоть до появления АСЕАН.

Второй этап формирования азиатского регионализма был связан с инициативами Японии в Юго-Восточной Азии. В отличие от США, Япония сделала акцент на развитие экономических связей в регионе. В 1966 г. была создана новая региональная организация — Азиатско-Тихоокеанский совет (*Asian and Pacific Council — ASPAC*). В нее вошли Япония, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань. Организация ставила своей задачей проведение консультаций по экономическим, культурным и социальным вопросам. Большинство из них входили в политические и военные союзы с США и Великобританией. Одной из задач ASPAC являлось противостояние азиатским социалистическим странам. ASPAC предполагал более активную роль средних держав в регионе Японии и Австралии в целях поощрения регионализма. Однако данный проект также вызвал опасения среди государств региона, расценивших его как политику вмешательства «великих держав». Ни Австралия, ни Япония не имели такой степени легитимности в АТР, что была у Индонезии в АСЕАН. В дальнейшем Япония сделала акцент на построение сетевого регионализма, поскольку любая возглавляемая ею межправительственная региональная организация не была приемлемой для большинства азиатских стран.

В 1979 г. с идеей создания Тихоокеанского сообщества (*Pacific Community*) выступила Япония. Первоначально ставилась задача развития экономического и культурного сотрудничества всех стран тихоокеанского бассейна, пожелавших вступить в состав сообщества. Предполагалось, что в ее состав могут войти все страны региона, включая Китай и Советский Союз.

Идея Тихоокеанского сообщества развивалась без формального институционального строительства. Это повлекло за собой большую академическую дискуссию по поводу достоинств открытого консультативного регионализма, по сравнению с закрытым институциональным. По инициативе Японии в 1980 г. был учрежден полуофициальный тихоокеанский комитет экономического сотрудничества, в который вошли ученые, политические деятели, бизнесмены развитых и развивающихся стран.

По мнению Ачарии, идея Тихоокеанского сотрудничества нашла практическое применение в создании в 1989 г. Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (*Asia-Pacific Economic Cooperation — APEC*). В настоящее время в АТЭС насчитывается 21 член. Среди них Тайвань, принятый с одобрения Китая. В результате в АТЭС принят термин *участствующие экономики*, а не *страны-участники*. Процедура вступления России в АТЭС завершилась в 1998 г. Россия заинтересована в участии в интеграционных проектах Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего в энергетической и транспортной областях. Они могут быть своеобразным «сухопутным мостом» между странами так называемого Тихоокеанского кольца (*Pacific Rim*) и Европой.

Жизнеспособной организацией в Азиатском регионе является АСЕАН, несмотря на обострение противоречий между Малайзией и Филиппинами по вопросу о Сабахе и напряженность в отношениях между Сингапуром и Индонезией. После вывода американских войск из Вьетнама в 1975 г. АСЕАН стремится к развитию более открытого политического сотрудничества в области безопасности. В конце 1970-х гг. АСЕАН взял на себя инициативу дипломатических консультаций с целью урегулирования военно-политических кризисов в Юго-Восточной Азии. АСЕАН видит свою миссию в неформальной консенсус-ориентированной форме взаимодействия в регионе без сильной институционализации и бюрократизации. Эта политика получила название «путь АСЕАН» (*ASEAN Way*).

Региональная интеграция в Азии была обусловлена необходимостью решения экономических задач в рамках формирования транснациональных экономик в этом регионе, а также реакцией на вмешательство внешних держав в нем. Таким образом, в регионе начали формироваться внутренние причины для регионализма. Так возникли проекты в виде Соглашения о торговле и развитии в Тихоокеанском регионе (*Pacific Trade and Development — PAFSTD*), Тихоокеанского экономического совета (*Pacific Basin Economic Council*) — региональной неправительственной организации, объединяющей через национальные комитеты стран-участниц

свыше 1200 крупных компаний, а также Тихоокеанского экономического сотрудничества (*Asia-Pacific Economic Cooperation*), которые управлялись средними азиатскими державами, Китаем, Японией и Австралией. Таким образом, идет процесс формирования региональных моделей организаций, инициированных интересами региональных политических и экономических элит.

Новый этап формирования азиатского регионализма наступает после окончания холодной войны.

В статье Винод Аггарвал (*Vinod K. Aggarwal*) и Мин Гио Куу (*Min Gyo Koo*) «Эволюция регионализма в Восточной Азии» утверждается, что в последние двадцать лет мы наблюдаем эрозию традиционного подхода к интеграции в Азии, в основе которого лежит «приверженность двусторонним и многосторонним альянсам» [Aggarwal, Koo, 2007b, p. 362]. Проявляется растущий интерес к внутрирегиональным и внерегиональным торговым соглашениям, совместным финансовым учреждениям и совместному диалогу в области безопасности.

Развитие регионализма в Азии получило свое продолжение в Канберре в 1989 г., когда организация АСЕАН на своем первом после окончания холодной войны саммите в Сингапуре определила свое новое видение регионального сотрудничества, предполагающее усиление связей в области безопасности, создание зоны свободной торговли АСЕАН, а также более активное многостороннее сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе в области безопасности. Создание Регионального форума АСЕАН (*ASEAN Regional Forum — ARF*) в 1994 г. в Бангкоке стало продолжением данной инициативы. Форум объединяет 26 стран (Австралию, Бангладеш, Бруней, Вьетнам, Восточный Тимор, Индию, Индонезию, Камбоджу, Канаду, Китай, КНДР, Лаос, Малайзию, Монголию, Мьянму, Новую Зеландию, Пакистан, Папуа — Новую Гвинею, Республику Корея, Россию, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланку, Японию, Евросоюз). Заявки на участие в ARF подали Казахстан, Киргизия и Афганистан.

ARF стала первой многосторонней организацией безопасности в Азии, хотя безопасность в данном случае определяется

не как военная или коллективная самооборона, а как совместные меры безопасности, направленные на укрепление доверия и предотвращение конфликтов. Параллельно возникает идея создания Восточно-Азиатской экономической группы в 1990 г. как ответ на появление НАФТА и формирование единого европейского рынка.

ARF положил начало расширению модели регионализма АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Суверенитет, невмешательство и отказ от лидерства великих держав были подтверждены в рамках форума.

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. стал переломным моментом в формировании азиатского регионализма. В ответ на кризис и критику неспособности существующих азиатских региональных организаций, включая АТЭС, ARF, АСЕАН, предложить эффективный ответ на экономический вызов возникла идея пересмотра функций АСЕАН, включая введение новых форм сотрудничества, в том числе финансовое взаимодействие. В итоге появилась новая инициатива — Восточно-Азиатский саммит. В него входят десять стран АСЕАН, а также Китай, Индия, Австралия, Япония, Новая Зеландия, Республика Корея. Учредительный Восточно-Азиатский саммит (*East Asia Summit — EAS*) состоялся в декабре 2005 г. в Куала Лумпуре (Малайзия). В 2010 г. Россия одновременно с США получила приглашение на участие в нем на регулярной основе.

Пример образования и функционирования организации, инициированной самими региональными акторами, показывает, насколько сложным является взаимодействие между ее участниками. В одном из официальных документов заявлено, что организация основывается «на трех основаниях, а именно на сотрудничестве в областях политики, безопасности, экономики и социо-культурной сфере» [см. об этом: Sukma].

В реальной жизни оказалось не так просто организовать сотрудничество между региональными игроками. Эксперты отмечают «медленную институционализацию» регионального сотрудничества [Ibid.]. В полной мере проявляется соперничество между

Японией и КНР, которые являются основными конкурирующими державами в регионе. Попытки ведущих игроков оспорить законность притязаний каждого из них на роль регионального лидера препятствуют стабильной и эффективной деятельности региональной группировки. С вхождением США в организацию усилилось противостояние между США и Китаем. Отказ высших российских руководителей участвовать в ежегодных саммитах породил немало вопросов в экспертном сообществе, в том числе была высказана следующая точка зрения: «В АТР усиливается соперничество между США и Китаем, и ВАС становится основной региональной многосторонней площадкой для их состязания. Возможно, путем понижения уровня своего присутствия в ВАС Россия хочет минимизировать дипломатические риски, связанные с обсуждением на саммите спорных вопросов. С одной стороны, мы должны бы поддержать своего “привилегированного стратегического партнера” Пекин в его спорах с США и некоторыми странами Юго-Восточной Азии. С другой стороны, такая поддержка чревата ухудшением отношений с Вашингтоном, Ханоем и другими столицами, которые без восторга относятся к возрастающей напористости Китая. Кроме того, солидаризация Москвы с Пекином по таким накаленным проблемам, как Южно-Китайское море, чревата тем, что Россию начнут воспринимать как младшего партнера Китая в Азии, чего нам, разумеется, явно не хочется» [Лукин, Севастьянов].

Среди принятых документов о региональном сотрудничестве можно выделить Хартию АСЕАН, вступившую в силу в 2008 г. Среди инноваций можно отметить, что в ней декларируется изменение природы самой организации из ориентированной на сотрудничество между государствами в общественно-ориентированную структуру. В данном случае необходимо обратить внимание на инициативы Индонезии, продвигающей демократические идеалы в качестве базовых ценностей АСЕАН.

По предложению Японии был создан Экономический исследовательский институт АСЕАН и Восточной Азии (*Economic*

Research Institute for ASEAN and East Asia — ERIA), целями которого являются экспертный анализ и разработка предложений по дальнейшему институциональному развитию сотрудничества в регионе [см. об этом: *Economic Research Institute...*].

В 2012 г. была принята Декларация о региональном реагировании на угрозу распространения малярии и мерах по повышению эффективности антималярийных препаратов. Подписано соглашение о сотрудничестве в области энергии и биоресурсов. Американо-китайские противоречия не позволили странам региона договориться о разрешении споров на море.

В 2013 г. Россию на саммите вновь представлял министр иностранных дел С. В. Лавров. В связи с Восьмым Восточноазиатским саммитом он сделал следующее заявление: «...Широкую поддержку получило наше предложение о том, чтобы начинать выстраивать в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) общую, объединяющую всех архитектуру безопасности и сотрудничества. Это предложение опирается на российско-китайскую инициативу, выдвинутую в свое время руководителями наших двух государств, о создании в АТР открытой системы безопасности, которая не была бы основана на блоковых принципах» [Выступление С. В. Лаврова 10 октября 2013 г. ...].

В лабиринтах согласования увязло предложение Индонезии о превращении АСЕАН в сообщество безопасности. Тем не менее, было одобрено предложение о преобразовании к 2020 г. АСЕАН в сообщество по типу ЕС.

Кризис 1997–1998 гг. существенно подорвал региональные процессы в Юго-Восточной Азии. Стихийные бедствия, катастрофы, террористические акты первой половины 2000-х гг. демонстрируют возможности региональных структур самостоятельно справляться с проблемами в регионе. Однако финансовые проблемы в регионе решаются менее успешно. Следует отметить провал идеи АТЭС в создании многосторонней зоны свободной торговли в Тихом океане. Консенсус оказался в пользу возглавляемой США организации Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП).

3.3. Отличительные особенности азиатского регионализма

В 1980-х — начале 1990-х гг. интеграционные процессы в Европе приобрели новые институциональные формы и продемонстрировали достаточно успешные результаты интеграции. Европейский опыт вызвал интерес в правящих элитах азиатских стран. Однако, как справедливо констатирует П. Катценштейн (*Peter Katzenstein*), рассмотрение азиатских моделей интеграции через призму европейской интеграции может ввести в заблуждение. Коренные различия между двумя типами регионализма кроются прежде всего в разных исторических траекториях и иной архитектуре интеграции [Katzenstein, p. 353–368].

Европа не имеет такого значительного разнообразия цивилизационных форм, какие сосредоточены в Азии. Европейская религиозная традиция основывается на иудейско-христианской парадигме. Европейские языки происходят в большинстве своем от латыни и формируют романо-германскую языковую группу. Азия имеет три основных культурных и религиозных блока: индуизм и буддизм, китайский и исламский. Эти три религиозные культуры имеют множество локальных форм. Азиатские языки практикуют три разных принципа написания и чтения, включая вязь, идеограммы и алфавит. Такое разнообразие в Азии является препятствием для построения единого культурного пространства.

Географическое пространство Азии также работает не в пользу интеграционных процессов. Климат в Европе более умеренный, чем в Азии. Ландшафт также не имеет большого количества препятствий, чего нельзя сказать об Азии.

Азия и Европа сформировались на основе разных правовых культур. Правовая культура Европы имеет корни в римском, греческом, византийском праве, которые заложили основы современного гражданского права, где проводится грань между правом частным и публичным. В Азии преимущество отдается семейной или общинной солидарности, социальная стабильность довлеет над индивидуальными свободами.

Азия и Европа имеют разный подход к суверенитету. Вестфальский мирный договор 1648 г. заложил правовую основу суверенных государств. Европейская интеграция постепенно размывает барьеры между внутренними и внешними границами в рамках ЕС. Общие внешние границы и отсутствие внутренних барьеров в Европе рассматриваются как преимущество и открывают большие возможности. В Азии национальный суверенитет является понятием достаточно новым и чрезмерно охраняемым. Во многих бывших колониях национальные границы были установлены после окончания Второй мировой войны или позднее. Любая форма интеграции, открытости границ ассоциируется с процессом колонизации и рассматривается больше как угроза, а не как преимущество.

Экономическая история двух крупных регионов шла по разным траекториям. Европейские города появляются постепенно по мере формирования идентичностей и в рамках формирования капиталистической экономики. Азия не переживала промышленной революции, которая в Европе сопровождалась революцией в науке. Колониальный период лишил Азию возможности индустриализироваться.

Морская интеграция также сыграла особую роль в Азии, так как она проходила быстрее, чем на континенте. В Европе общий рынок стал складываться благодаря интенсификации торговли и развитию промышленности на континенте.

Современная интеграция в Европе стала возможной в результате противостояния и выстраивания отношений между Францией и Германией. Взаимное признание и сотрудничество этих двух стран являются краеугольным камнем европейской интеграции. Две наиболее сильные региональные державы в Азии — Япония и Китай — разделены как водным пространством, так и историческими путями развития и имеют крайне негативный исторический опыт сосуществования. Между этими двумя государствами было две кровавые войны: в 1894–1895 гг. и в 1937–1945 гг. После окончания Второй мировой войны пути развития Китая и Японии еще более разошлись. Япония находилась под контролем США,

и дальнейшее ее развитие шло по пути имплементации либерально-демократических норм. Китай встал на путь левого тоталитарного государства.

Таким образом, можно выделить несколько принципиальных характеристик азиатского регионализма (на примере Восточной Азии): преобладание традиционалистского подхода в отношениях между государствами; выстраивание внутрирегиональных и внерегиональных торговых соглашений, финансовых учреждений на принципах «азиатского сетевого стиля, движимого рынком» (*market-driven network style*). Неработоспособность правовых норм, глубокие идеологические и культурные отличия в Азии, боязнь формальных наднациональных институтов, угроза потери суверенитета (новый колониализм), а также транзитное состояние режимов тормозят формирование комплекса региональной безопасности [Aggarwal, Koo, 2007a, p. 2]. Отсутствие военных организаций компенсируется двусторонними соглашениями между членами Восточно-Азиатского региона и присутствием сверхдержавы в регионе — США, а также крупной региональной державы — Японии. Роль Китая в регионе характеризуется как экономическое проникновение с установлением культурной и экономической гегемонии [Acharya, 2003, p. 149–164].

3.4. Угрозы и вызовы в Азии, или Почему важен регионализм в Азии?

Азиатский регионализм играет важную роль в создании более безопасного пространства в регионе. Существует целый ряд вызовов и угроз, стоящих на повестке дня перед правительствами стран Азии.

К угрозам в Азии можно отнести следующие: внутренние противоречия в странах региона (этнические и религиозные); геополитическое соперничество между основными акторами; неурегулированность территориальных споров; уязвимость финансовой системы, которая была существенно подорвана кризисами 1997–1998 гг.; непредсказуемость регионального и глобального

окружения; безопасность энергетических поставок; сочетание слабых демократических институтов и угроз национализма; естественные катастрофы.

Вызовы безопасности в Азиатском регионе в первую очередь связаны с деятельностью региональных и внерегиональных лидеров, таких как Китай, Япония, Австралия и США. Нельзя недооценивать претензии на субрегиональное лидерство Индонезии и Вьетнама.

С возрождением экономической и военной мощи Китая связаны опасения относительно дальнейшей судьбы азиатского регионализма. Ряд экспертов полагают, что участие Китая в региональных блоках является своего рода «тактикой выигрыша времени» (*time-buying tactic*) до тех пор, пока Китай не нарастит экономическую и военную мускулатуру. Целью же регионального строительства Китая может оказаться восточноазиатский регионализм без США, Австралии и Индии. А. Ачария (*A. Acharya*) утверждает, что Китай социализируется в рамках процессов азиатской интеграции, и подобные односторонние оценки Китая могут быть ошибочны [Acharya, 2011, p. 12].

Также важна роль США в регионе, особенно в сфере решения вопросов военной безопасности. Двусторонние союзы с США имеют такие страны как Япония, Южная Корея, Филиппины, Австралия, Таиланд. Вызовет ли уход США из региона всплеск региональной интеграции или вакуум силы, который некому будет восполнить? Вероятно, что регионализм в Азии, сконцентрированный вокруг США, вряд ли возможен. Ряд государств, в том числе и Китай, будут сопротивляться подобной политике. Однако и недооценивать роль США в регионе нельзя. Военные силы США решают множество проблем в Азии и в Тихом океане, поэтому говорить о скором уходе США из региона не стоит. Более того, США все больше интегрируются в экономическое пространство региона и выстраивают новые стратегические отношения в регионе, например с Индией (2008 г.).

Япония и Австралия — две державы, которые набирают все большую мощь в экономическом, военном и политическом плане.

Это наиболее развитые страны региона. Руководство обеих стран имеет свое видение развития азиатского регионализма. Австралия придерживается точки зрения оптимизации и рационализации уже существующих структур в рамках Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества. Однако нет никакой уверенности, что страны АСЕАН примут данный подход. Японские предложения в большей степени касаются Восточной Азии, однако они не вносят ясность в будущую роль США в регионе, придерживаясь точки зрения, что США здесь останутся партнёром Японии. В чем обе точки зрения совпадают, так это в том, что членство и деятельность в региональном объединении должны быть полноценными, с большими обязательствами и ресурсами.

Азиатский регионализм становится реальностью в связи с растущими вызовами региональной безопасности стран Азии. Однако для достижения этой цели азиатским странам необходимо изжить устаревшие представления по вопросам суверенитета и невмешательства во внутренние дела, так как транснациональные вызовы требуют новых подходов; провести согласование конкурирующих подходов в построении азиатского регионализма; осуществить выход азиатских институтов за рамки «пути АСЕАН», который основан на неформальном, консенсус-ориентированном сотрудничестве; региональные институты должны расширить свои подходы и продвигаться дальше от консультаций к решению конкретных проблем.

Подведем итоги. Изучение азиатского регионализма является важным в силу нескольких причин. Прежде всего, из-за огромных размеров территории; населения, которое включает около половины всего населения на земном шаре; растущих энергетических потребностей; растущих новых держав, которые начинают играть все большую роль в мировых процессах; из-за опасности региональных конфликтов и военных угроз; множества нетрадиционных угроз, таких как сепаратистские угрозы, религиозные противоречия, криминальная деятельность, загрязнение окружающей среды, природные катастрофы и т. п.

Критика азиатских региональных институтов и объединений может быть сосредоточена на следующем. Во-первых, азиатские региональные институты не играют существенной роли в урегулировании сложных и длительных конфликтов, которые существовали в XX и XXI в. Это относится к конфликтам между Китаем и Тайванем, Северной Кореей и Южной Кореей, Индией и Пакистаном. То же самое можно сказать про неурегулированные морские споры, например, территориальный спор из-за островов Спратли, которые оспариваются Вьетнамом, Китаем, Тайванем, Малайзией, Филиппинами, Брунеем.

Во-вторых, азиатские региональные институты не способны создать механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов. Деятельность АСЕАН не выходит за рамки построения доверия.

В-третьих, наблюдается провал построения регионального доверия, что выражается в постоянной гонке вооружений в странах региона. Военные закупки Индии и Китая растут с каждым годом.

В-четвертых, на экономическом уровне до сих пор не существует региональной зоны свободной торговли под эгидой АТЭС. Наоборот, доминируют двусторонние торговые соглашения. Региональное финансовое сотрудничество существует, однако разнообразие валют в регионе провоцирует валютные спекуляции.

В-пятых, регион постоянно подвержен стихийным бедствиям, однако до сих пор нет единой системы и механизмов региональной помощи и ответа на транснациональные угрозы, такие как нелегальная миграция, терроризм, пандемии. Решение проблем происходит либо на национальном уровне, либо на основании двусторонних соглашений. В регионе нет собственных миротворческих сил.

В-шестых, расширение прав человека и решение социальных проблем в странах региона находятся на стадии развития, а не решения. Региональные интеграционные процессы в Азии нацелены на формирование норм и социализацию, но не являются средством решения проблем.

В целом, в последние двадцать лет наблюдаются подвижки в развитии азиатского регионализма. Многие эксперты выделяют для этого ряд возможностей. Среди них большая свобода стран Азии в выборе путей развития; отсутствие серьезных вооруженных конфликтов после 1967 г.; невоенная фаза большинства двусторонних конфликтов; открытость китайской экономики, что создало возможности для экономической интеграции в регионе; активная роль Китая в интеграционных процессах (кооперативное гражданство в Азии); усиление процессов экономической интеграции; особая роль институтов в Азии, которые являются не только фактором фиксации баланса сил в регионе, но и формируют пространство безопасности, модерируют его. Наконец, правительства в большинстве стран Азии, за некоторым исключением, легитимны и планируют стабильное будущее.

Процесс регионализации в Азии движим не внутренним спонтанным способом понимания общности, а как ответ на вызовы глобализации. Снижение тарифов, перемещение товаров, коммуникации, транснациональные угрозы требуют совместных координированных решений. Интеграция как следствие регионализации в Азии уже имеет конкретные формы в виде интеграции технологий, финансовой системы, рынка труда.

Регионализм как политический продукт может стать возможным в Азии. Представители азиатской интеллигенции, политики обсуждают поиск идейных основ для регионализма. Для многих из них интеграция является сама по себе ценностью и целью, позволяющими достичь больших целей, таких как глобальная свободная торговля или глобальные институты, соответствующие интересам Азии. Наиболее спорный вопрос в процессе становления регионализма — это связь Южной Азии с тремя странами Северо-Восточной Азии, которые являются культурно и исторически разделенными, это Китай, Корея и Япония. Еще более сложным является включение в Азиатский регион Индии, Австралии и Новой Зеландии.

В отличие от Европы, в Азии понятие «сообщество» означает большую семью, а не разделяемый суверенитет. В связи с этим

открытым остается вопрос: как построить общее торговое пространство, когда большинство стран региона рассматривают общее экономическое пространство как дискриминационное?

Во многом будущее регионализма в Азии будет находиться под влиянием глобализационных процессов и его вызовов.

Вопросы для самоподготовки

1. Можно ли говорить о существовании азиатского типа регионализма?
2. Каковы особенности азиатского регионализма?
3. Почему так важно изучать процессы регионализации в Азии?
4. Каковы особенности эволюции азиатского регионализма?
5. Чем объясняется необходимость заниматься региональным строительством в Азии?

Список рекомендуемой литературы

- Baogang H.* A Concert of Powers and Hybrid Regionalism in Asia / H. Baogang // Australian J. of Political Science. 2012. № 47/4. P. 677–690.
- Katzenstein P. J.* Regionalism and Asia / P. J. Katzenstein // New Political Economy. 2000. № 5/3. P. 353–36.
- Katzenstein P. J.* Onanti-Americanism, Analytical Eclecticism and Regional Powers // Theory-Talks.org [open-source journal]. 2008. № 15. URL: <http://www.theory-talks.org/2008/08/theory-talk-15.html> (дата обращения: 20.05.2014).
- Acharya A.* Asian Regional Institutions and the Possibilities for Socializing the Behavior of States / A. Acharya // ADB Working Paper Series. 2011. № 82.

Лекция 4

ТЕОРИИ МИРА И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: региональный комплекс безопасности; секьюритизация; централизованный комплекс безопасности; стандартный комплекс безопасности; суперкомплекс; комплекс безопасности вокруг сверхдержавы; типы государств (слабые и сильные)

4.1. Копенгагенская школа исследований мира: основные концепции

Копенгагенский институт исследований мира (*The Copenhagen Peace Research Institute — COPRI*) был создан по решению датского парламента в 1985 г. и является одной из ведущих мировых школ в области исследования мира и безопасности. В рамках института сложилась всемирно известная Копенгагенская школа исследований мира во главе с руководителем проекта Барри Бузаном. Первым концептуальным трудом данной школы стало исследование «Люди, Государства и Страх: повестка дня для изучения международной безопасности в период окончания холодной войны», которое было опубликовано в 1991 г. основоположником научной школы Барри Бузаном [см.: Buzan]. В предисловии ко второму изданию книги Барри Бузан пишет о том, что публикация работы осуществлялась в то время, когда он работал в Копенгагенском институте исследований мира, получив в 1988 г. место руководителя проекта группы, занимающейся невоенными аспектами европейской безопасности. Многие труды Б. Бузана относятся к Копенгагенской научной школе, хотя позднее он начинает позиционировать себя как представитель Английской

школы исследований вопросов безопасности*. Кроме Б. Бузана, к Копенгагенской школе относят таких исследователей, как Оле Уэйвер (*Ole Wæver*) и Яап де Уальд (*Jaap de Wilde*). Одной из выдающихся теоретических работ Копенгагенской школы является монография «Безопасность: новые рамки для анализа», написанная Бузаном, Уэйвером и Уальдом, в которой они обосновали несколько новых понятий, таких как секьюритизация (*securitization*), референтный объект (*referent object*), уровни и секторы исследования вопросов безопасности (*levels and sectors of security analysis*), а также региональные комплексы безопасности (*regional security complex*) [см.: Buzan, Waever, de Wilde].

В 2003 г. Б. Бузан и О. Уэйвер публикуют работу «Регионы и сила: структура международной безопасности», в которой впервые дается анализ регионов как сложных комплексов с разной структурой и типологией в рамках современной структуры международных отношений [см.: Buzan, Waever, 2003]. Акцент делается на исследовании вопросов региональной безопасности.

Несмотря на то, что исследования Барри Бузана и его коллег по Копенгагенской школе не принято относить к направлению «нового» регионализма и в целом к теориям регионализма, они внесли существенный вклад в формирование нового научного направления. Можно сказать, что исследования Копенгагенской школы и формирование «нового» регионализма развивались параллельно. Б. Бузан, как и представители «нового» регионализма, сосредоточился на исследовании внутрирегиональной динамики и проблеме формирования безопасных регионов через призму военной, экономической и политической безопасности.

Во введении к вышеупомянутой работе Б. Бузан пишет, что в качестве отправной теоретической базы их исследований выступили такие научные направления как *неореализм* и *конструктивизм*. Конструирование пространства безопасности

---

* В предисловии к работе Б. Бузана и Л. Хансена «Эволюция учений о международной безопасности», опубликованной в 2009 г., Б. Бузан представлен как профессор международных отношений Лондонской школы экономики и почетный профессор Копенгагенского и Цилинского университетов.

на региональном уровне являлось одной из задач исследования авторов. Этот подход очень близок к тому, который используют теоретики «нового» регионализма. Б. Бузан сузил поле исследования до вопросов безопасности, но выстроил типологизацию регионов в системе международной безопасности.

Многие исследователи конкретных регионов, изучая динамику их развития, используют в равной степени как подходы теоретиков «нового» регионализма, так и теорию региональных комплексов безопасности, зачастую конвергируя их [см., например: Allison, p. 463–483].

4.2. Региональный комплекс безопасности: особенности подхода

Теория комплексов региональной безопасности впервые была представлена в работах Копенгагенской школы. В своих исследованиях представители школы предприняли попытку дать определение понятию «комплекс региональной безопасности», его структуре, динамике развития и трансформации подходов национальной и глобальной безопасности, переводя их в региональную плоскость. По их мнению, именно регион является тем местом, где две сферы безопасности (национальной и глобальной) взаимодействуют и где происходят основные события и действия. Данная теория не является бесспорной, однако она позволяет анализировать региональную динамику и построение комплекса глобальной безопасности через призму региона.

С точки зрения Б. Бузана, региональный уровень становится более безопасным после окончания холодной войны [Buzan, Waever, p. 4]. Окончание соперничества сверхдержав приводит к большей свободе маневра на региональном уровне. Десятилетие после окончания холодной войны продемонстрировало нежелание великих держав (Китая, объединенной Европы, Японии и России) вмешиваться в региональные конфликты за пределами своего региона. Относительная автономия региональной безопасности

создает новую модель отношений в области международной безопасности, радикально отличающуюся от жесткой структуры биполярной системы. С точки зрения авторов монографии, данная система не может быть охарактеризована как однополярная или многополярная система международных отношений. Теории региональных комплексов безопасности позволяют понять новую структуру и оценить новый баланс сил, взаимоотношения между регионализацией и глобализацией.

4.3. Комплексы безопасности: теория региональной безопасности

Центральная идея теории *региональных комплексов безопасности (Regional Security Complex)* заключается в том, что «большинство угроз легче перемещаются на коротких дистанциях, чем на длинных; взаимозависимость в вопросах безопасности определяет тенденцию к формированию регионального кластера, что и есть комплекс региональной безопасности» [Buzan, Waever, p. 17].

Процессы *секьюритизации* и уровень взаимозависимости в вопросах безопасности между акторами являются более тесными или интенсивными внутри данного комплекса, чем за его пределами.

Сверхдержавы могут «проникать» (*penetrate*) в комплексы безопасности, однако внутренняя динамика комплекса обладает существенным уровнем автономии по отношению к глобальным игрокам.

Региональный комплекс безопасности — это теория, которая получила возможность развития на интеграции материалистических и социологических (в данном случае — конструктивистских) подходов. Три теоретических подхода стали основой для научного анализа регионального комплекса безопасности: неореалистический подход, теории глобального развития и региональные подходы.

Региональный и глобальный уровни исследования не противоречат Вестфальской модели построения мира, однако для

изучения вопросов региональной динамики очень важно проанализировать, как те или иные типы государств влияют на формирование комплексов безопасности. В исследовании Копенгагенской школы «Люди, государство и страх» была предпринята попытка классифицировать государства по принципу «сильные и слабые» [см.: Buzan, p. 65–92]. Сила государства заключалась в степени социально-политической сплоченности между гражданским обществом и институтами власти. Так, менее сплочённые государства более хрупки и уязвимы для внешних угроз из-за сосредоточенности на решении внутренних проблем, связанных с сохранением власти внутри государства. Комбинация государств внутри комплекса влияет на развитие динамики безопасности внутри данного объединения.

Для анализа комплексов безопасности можно применить еще один подход классификации государств по трем типам: постмодерн, модерн, премодерн [Buzan, Waever, p. 22]. Определяющей категорией данной классификации является идеальный тип Вестфальской модели современного государства после окончания Второй мировой войны. Этот тип характеризуется сильным государственным контролем над обществом и достаточно ограниченной открытостью. Государства типа «модерн» считают себя независимыми и самостоятельными субъектами, имеющими отличительные национальные культуры и свою собственную политику в области развития, зачастую определяемую политикой меркантилизма. Их границы определены реальными линиями, они закрыты для внешних политических, культурных, экономических влияний. Фашистский и коммунистический режимы являлись крайними формами проявления такого типа государств. В начале XXI в. к такому типу государств относят Китай, обе Кореи, Иран, Индию и др. Из-за сильной привязки к территории безопасность данных государств определяют понятиями «извне» или «изнутри». Эти государства «в целом убедили себя в том, что открытие своей экономики, их обществ и политики дает им больше возможностей для роста благосостояния и их безопасности» [Ibid., p. 23].

Государства типа «постмодерн» в большинстве своем являются капиталистическими, все они являются сильными государствами по своей сути, поэтому ни одно из них не движимо традиционным пониманием безопасности через применение массовых бомбардировок или массированного вторжения [Ibid., p. 24]. Все эти государства вышли из Вестфальской модели. Они до сих пор сохраняют атрибуты современного государства, такие как границы, суверенитет и национальную идентичность, но изменения касаются также экономического и культурного взаимодействия. Эти государства «в целом убедили себя в том, что открытие своей экономики, их обществ и политики дает им больше возможностей для роста благосостояния и их безопасности» [Ibid.]. Они более десекьюритизированы в отношении традиционных угроз и отсюда уделяют больше внимания сохранению идентичности и проблемам миграции, экономической и экологической стабильности. Поскольку государства типа «постмодерн» представляют собой основные центры силы, власти и богатства в международных масштабах, они поддерживают ценности открытости в остальных частях международной системы. Они в меньшей степени мыслят категориями угроз извне или снаружи, а в большей степени озабочены созданием структур безопасности, которые могут связывать их вместе.

Государства третьего мира в странах Азии и Африки могут быть охарактеризованы как государства «премодерн». Для них характерны низкий уровень политической консолидации и слабо развитые институты власти [Ibid., p. 24]. Некоторые из них стремятся к современности и идут в этом направлении, но до сих пор не могут консолидироваться настолько, чтобы претендовать на изменение статуса.

Третьи государства могут быть отнесены к «несостоявшимся государствам» (*failed states*), которые имеют формальный суверенитет, не подкрепленный экономически, политически и военным образом. «Досовременные» государства являются наиболее многочисленными в Африке, но также могут быть обнаружены в Азии (Афганистан, Таджикистан), Америке (Гаити) и Европе (Алба-

ния). Слабые государства очень уязвимы в вопросах безопасности и могут начать движение от государственности к субгосударственности.

Подобная классификация государств определяет структуру безопасности на региональном уровне.

Также вполне обоснованной является типологизация государств по географическому принципу. К примеру, большинство африканских государств южнее Сахары можно отнести к государствам «премодерна». Государства Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы представляют собой государства современного типа. Страны Западной Европы и Северной Америки являются странами постсовременного типа. Этот тип выделения кластеров не является абсолютно чистым и не может стать основой для типологизации систем безопасности, но может представлять интерес для сравнительного анализа.

Глобализация является катализатором развития современной системы международных отношений. Страны «постмодерна» являются двигателями глобализации и имеют все преимущества от участия в глобализационных процессах. Страны современного типа развития сталкиваются с двумя вызовами в рамках глобализирующегося мира. Во-первых, перед ними всегда маячит угроза включения (*inclusive*) и угроза исключения (*exclusive*). Угроза исключения грозит перевести государство в низшую категорию, а перспективы «включения» могут спровоцировать внутренние конфликты внутри государства (культурные, религиозные и др.). Для государств досовременного уровня угроза глобализации заключается в их несоответствии международным стандартам «хорошего управления» (*good governance*). Угроза глобализации для них заключается в утрате независимого статуса или в потере рычагов управления государством.

Данная классификация позволяет нам систематизировать государства в регионах и дает возможность проводить сравнительный анализ регионов, учитывая их конкретную специфику.

Б. Бузан и О. Уэйвер, опираясь на теоретический анализ нео-реалистов относительно структуры международных отношений, предлагают вычленять такие типы государств, как супердержавы (*Superpowers*), великие державы (*Great powers*) и региональные державы (*Regional powers*), что позволяет им переосмыслить структуру международных отношений после окончания холодной войны. К супердержавам они относят США, к великим державам — ЕС (Великобританию, Францию, Германию), Японию, Китай, Россию. Индия расположена на подходе к этому классу держав. Региональные державы являются лидерами в своих региональных комплексах.

Б. Бузан и О. Уэйвер считают, что во время холодной войны структура международных отношений выражалась формулой «2 + 3» (США и СССР + Великобритания, Франция и Китай). Современная структура международных отношений может быть сведена к формуле «1 + 4» (США + ЕС, Япония, Китай и Россия). Теоретически такая структура может быть сведена к формуле «0 + x». Такая система не может быть охарактеризована как однополярная или многополярная. Учитывая размеры глобальной системы, великие державы не работают на глобальном уровне. И только сверхдержавы могут отвечать требованиям полярности международных отношений. Можно легко представить себе глобальный мир с пятью или шестью сверхдержавами и, возможно, довольно большим количеством региональных держав. Число супердержав и число великих держав оказывают сильное влияние друг на друга. Чем больше будет сверхдержав, тем меньше великих держав, и наоборот.

Теории региональных комплексов безопасности могут быть использованы для оценки эмпирических ситуаций и для прогнозирования региональной безопасности.

При анализе региональных комплексов безопасности анализируются такие переменные величины, как географическая близость, а также принцип дружбы или вражды, которые характеризуют динамику отношений внутри региона.

К примеру, Б. Бузан и О. Уэйвер являются сторонниками конструирования региона только в контексте дискурса безопасности, то есть они исходят из того, что вопросы безопасности могут стимулировать акторов к формированию региона. Комплекс региональной безопасности, с точки зрения Б. Бузана, может быть представлен любой группой государств [Buzan, Waever, de Wilde, p. 15]. Регион в данном контексте определяется как образование из двух и более государств. Эти государства составляют географическую группу, их взаимоотношения отмечены взаимным интересом в области безопасности и являются более тесными в рамках данного региона, чем за его пределами. Взаимодействие данных государств в области безопасности должно быть интенсивным и длительным [Ibid.].

Другим важным аспектом теории является принципиально новое переосмысление понятия «безопасность». Понятие «секьюритизация» более широко по объему, чем традиционное понятие безопасности. Секьюритизация — это результат взаимодействия различных акторов, таких как индивид, политические элиты, негосударственные игроки. Кроме того, проблемы, которые изначально не касались безопасности, в какой-то момент могут перейти в плоскость безопасности. Анализ регионального комплекса проходит под углом безопасности, которая включает пять секторов: военный, политический, экономический, социальный, окружающую среду [Ibid.].

Комплексы могут быть гомогенными и гетерогенными, включающими неоднородных участников, таких как государства, нации, фирмы [Ibid., p. 16]. В любом случае государство находится центре анализа. Б. Бузан предлагает «матрицу анализа» комплекса региональной безопасности, основанную на четырех уровнях взаимодействия: внутриполитическая составляющая государств региона (сильное или слабое государство); межгосударственные отношения в регионе (*state-to-state*); взаимоотношения регионального комплекса безопасности с другими регионами (*security interdependence*); роль великих держав в регионе (взаимодействие между региональной и глобальной структурами) [Buzan, Waever, p. 51].

Взятые вместе эти четыре уровня составляют созвездие безопасности (*security constellation*). Могут существовать также субкомплексы, такие, как примеры «полу-уровня» в рамках регионального уровня. Субкомплексы имеют, по существу, то же самое определение, что и региональный комплекс. Разница заключается только в том, что субкомплекс должен быть частью более широкого регионального комплекса.

Существующая структура региональных комплексов безопасности включает четыре переменные величины: связанность (*boundary*) внутри региона, которая отделяет комплекс от соседей; анархичная структура (*anarchic structure*), подразумевающая, что комплекс должен состоять из двух и более единиц; полярность (*polarity*), показывающая распределение власти между отдельными единицами; социальное взаимодействие (*social construction*), показывающее уровень взаимодействия между единицами в регионе (к примеру, чувства дружбы или вражды).

Исходя из сочетания этих факторов, Б. Бузан определяет три формы эволюции региональных комплексов безопасности: поддержание статус-кво, указывающее на отсутствие изменений в существующей структуре; внутренняя трансформация, в ходе которой происходят существенные изменения во внутренней структуре; внешняя трансформация, когда внутренние изменения влияют на внешний статус.

Б. Бузан выделяет четыре типа региональных комплексов безопасности: стандартный (*Standard*), централизованный (*Centred*), великодержавный (*Great power*) и суперкомплекс (*Supercomplexes*).

Примером *стандартного комплекса* является Вестфальская модель с двумя и более державами, чьи усилия сконцентрированы главным образом на военно-политической безопасности. Все стандартные комплексы имеют анархичную структуру. В стандартном комплексе равновесие полностью определяется самими региональными державами (к примеру, в Персидском заливе — Ираном, Ираком и Саудовской Аравией; в Южной Азии — Индией и Пакистаном) и может варьироваться от однополярного к многополярному взаимодействию. В стандартном комплексе однополярность

означает, что в регионе действует только одна региональная держава. К примеру, в Южной Африке доминирует Южно-Африканская Республика. Даже в случае однополярности стандартный комплекс не выходит на глобальный уровень, и поэтому в таких регионах, как Африка, Ближний Восток, Южная Америка и Южная Азия, можно провести четкое различие между внутренней (региональной) динамикой и внешней (глобальной). В плане динамики дружеских/враждебных отношений стандартные комплексы могут являться конфликтным образованием. В стандартном комплексе основным элементом политики безопасности является взаимосвязь между региональными державами. Отношения между ними определяют условия как для малых держав, так и для проникновения мировых держав в регион.

Центрированные комплексы могут проявлять себя в трех-четырёх основных формах. Первые две формы являются частными случаями, в которых региональные комплексы безопасности являются однополярными, но могут возникнуть сомнения относительно силы существующих в них полюсов (например, России на постсоветском пространстве) или сверхдержав (например, современных США в Северной Америке).

Эти полюса могут быть представлены также региональными державами. В этих случаях глобальный уровень силы (державы) будет доминировать в регионе (однополярность). В противном случае ряд региональных держав (Украина, Канада, Мексика) не наберут достаточного удельного веса для оспаривания региональных полюсов. Это, в частности, можно считать одной из причин того, что претензии Индии на статус великой державы не были поддержаны, поскольку Пакистан по-прежнему определяет себя как региональный полюс силы.

Третья форма *центрированного комплекса* отличается от первых двух тем, что рассматривает регион в качестве интегрированной организации, а не представленным одной державой. В качестве такого примера можно сослаться на Европейский союз, который является высокоразвитым сообществом безопасности и предъявляет собственные права как актора на глобальном уровне.

Теоретически это должно означать, что субъекты, создавшие центрированные комплексы, должны сами обеспечивать безопасность друг друга, и динамика безопасности должна определяться из центра, находящегося внутри. Как известно, региональную безопасность большинства стран ЕС обеспечивает Североатлантический союз (НАТО), который даже географически выходит за пределы Европейского континента. В данном случае Б. Бузан признает несовершенство своей теоретической модели центрированных комплексов. Он вводит понятие «асимметрии власти» и делает вывод о том, что центрированный комплекс, скорее всего, будет устойчивым, если центр устанавливает тип «открытой или проницаемой гегемонии», где доминирующие государства получают доступ к политике «имперского центра». При таком управлении стабилизаторами комплекса являются сам центр и его легитимность (признание другими права быть центром).

Однако могут иметь место случаи, не попадающие в данную классификацию. Они возникают от того, что ряд мировых держав разбросаны неравномерно по всей системе международных отношений. В связи с этим комплексы могут приобретать иные формы, к примеру, сосредоточиться вокруг великой державы и создавать суперкомплексы. В настоящее время при системе «1 + 4» такая динамика наиболее четко видна в Азии, где Япония и Китай формируют собственные ядра биполярного комплекса великих держав.

В региональном комплексе безопасности вокруг великой державы полярность региона определяется глобальным уровнем, который содержится в нем. Такая ситуация складывается в Европе и в Восточной Азии. Б. Бузан полагает, что такие комплексы надо изучать отдельно. Во-первых, их динамика влияет непосредственно на изменение баланса на глобальном уровне, что никогда не может произойти со стандартным комплексом. Во-вторых, великие державы влияют на процессы за пределами комплекса, где наблюдается высокая межрегиональная динамика. Региональные комплексы безопасности, возглавляемые великими державами, являются гибридными формами глобального и регионального уровня. Они могут также быть проанализированы как региональный

комплекс безопасности, но надо учитывать их влияние на глобальный уровень.

В соответствии с идеями, высказанными Б. Бузаном и О. Уэйвером, анализ региональных комплексов безопасности требует учитывать все уровни исследования, включающие национальный, региональный, надрегиональный и глобальный (рис. 1).

Согласно теоретическим подходам Бузана и Уэйвера, «классификацию региональных комплексов безопасности можно представить в виде четырех больших групп, каждая из которых имеет ряд подвидов» [Buzan, Waever, p. 62].

В регионах, где отсутствуют комплексы региональной безопасности, можно определить две причины их отсутствия: перекрытие процессов регионализации или неструктурированность. Перекрытие процессов региональной интеграции может быть связано с деятельностью великих держав и их доминированием в регионе, что приводит к ослаблению местных структур (например, когда в регионе длительное время присутствуют вооруженные силы великих держав или расстановка сил в регионе идет по модели соперничества великих держав).

Неструктурированность региона безопасности может произойти по одной или двум причинам: во-первых, там, где местные государства не обладают ресурсами управления на региональном уровне, и, во-вторых, где географическая изоляция делает взаимодействие трудным или невозможным (например, острова, разделенные большими просторами океана). Любое из этих условий может привести к недостаточному взаимодействию в вопросах безопасности, чтобы сформировать структуру регионального комплекса безопасности.

Чтобы понять, существует ли региональный комплекс безопасности, необходимо изучить структуру «взаимосвязанности» (*security connectedness*) в области безопасности.

Преимущества регионального подхода заключаются в отделении регионального уровня исследования от глобального. Такой подход дает основу для сбалансированного объяснения большей части вопросов безопасности как сверху вниз, так и снизу вверх.

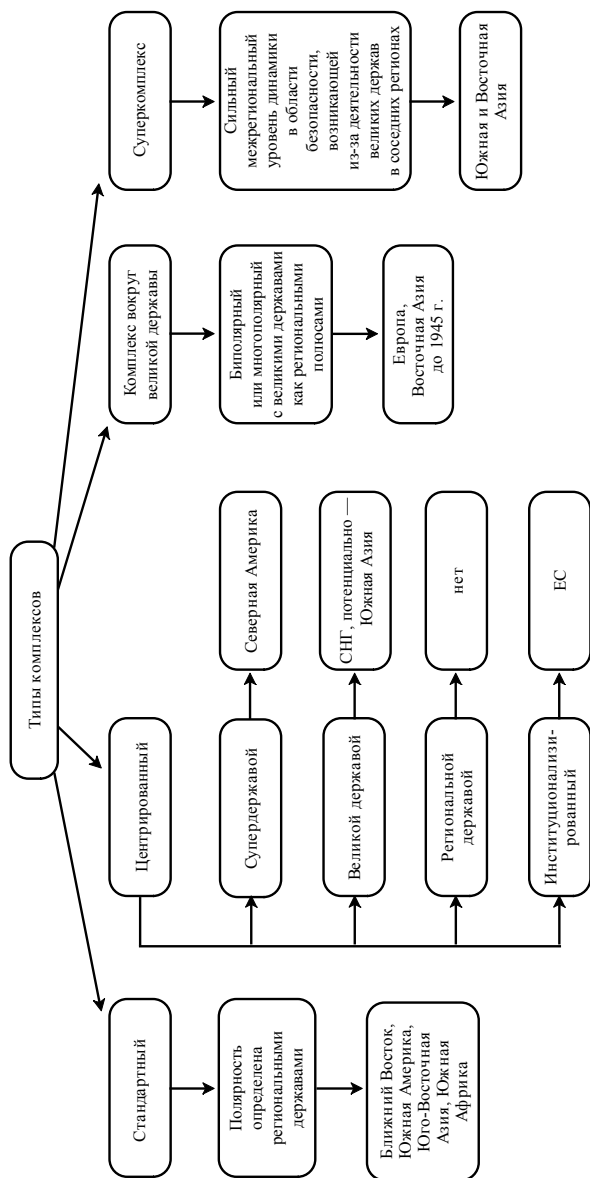

Рис. 1. Соотношение типов комплексов безопасности и их характеристик

Это признание того, что региональный уровень может рассматриваться как независимый и стать достаточно сильным в рамках структуры международных отношений. Региональный комплекс безопасности является сконструированным самими акторами региона и может быть подвержен изменениям.

Сами авторы теоретического обоснования регионального комплекса безопасности Б. Бузан и О. Уэйвер выделяют несколько преимуществ такого подхода. Во-первых, на теоретическом уровне можно прогнозировать появление региональных комплексов безопасности или отсутствие такой возможности; во-вторых, теоретически обоснованная методика исследования позволяет проанализировать и сопоставить конкретные региональные структуры безопасности; в-третьих, теории позволяют выстраивать некий набор сценариев, которые определяют зону прогнозирования ситуаций.

Большинство региональных прогнозов строится на основе теоретических подходов неореализма и других теорий международных отношений, в которых регионам как самоорганизующимся комплексам безопасности уделяется незначительное внимание. Поэтому теория региональных комплексов безопасности имеет основания на то, чтобы иметь самостоятельный статус.

Б. Бузан и О. Уэйвер рассматривают основные укрупненные регионы (Азия, Ближний Восток, Африка, Америка и Европа) как структурные единицы региональных комплексов безопасности. Они выделяют в региональных комплексах безопасности основных акторов, формирующих повестку безопасности, основные объекты безопасности, референтные объекты безопасности, процессы формирования региональных комплексов безопасности, динамику между региональными комплексами безопасности и его соседями, а также глобальными акторами, существующие структуры региональных комплексов безопасности (анархия или интеграция, распределение сил, модели «дружбы-вражды», секьюритизация или десекуритизация), моделируют сценарии создания и развития региональных комплексов безопасности.

Вопросы для самоподготовки

1. Какие теоретические подходы стали основой для формирования теорий региональных комплексов безопасности?
2. В чем новизна подходов региональных комплексов безопасности?
3. Какие термины формируют тезаурус теорий региональных комплексов безопасности?
4. В чем заключается комплексность регионального исследования Копенгагенской школы?

Список рекомендуемой литературы

- Acharya A.* The Emerging Regional Architecture of World Politics / A. Acharya // Regions and Powers : The Structure of International Security by Barry Buzan; Ole Wæver; A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium by Peter J. Katzenstein // World Politics. 2007. № 59/4. P. 629–652.
- Buzan B.* Regions and Powers: The Structure of International Relations / B. Buzan, O. Waever. Cambridge, 2003.
- Kavalski E.* Regions and Powers : The Structure of International Security, Reviewed by Emilian Kavalski / E. Kavalski. Loughborough University, UK. Apr. 2004.
- Allison R.* Regionalism, Regional structures and Security Management in Central Asia / R. Allison // Intern. Affairs (Royal Instit. of Intern. Affairs 1944-). 2004. № 80/3. P. 463–483.

Лекция 5

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ

Ключевые слова: сравнительный (компаративный) регионализм; региональная идентичность; коммодификация; стратификация; формирование стереотипов; региональные кластеры мира и безопасности

5.1. Теория кластеров регионального мира и безопасности

Изучение проблем регионализации и регионализма, формирования региональных систем и комплексов безопасности — процесс продолжающийся. Изучая региональную динамику и изменяющиеся процессы в разных регионах мира, исследователи создают новые конвергентные подходы, приходят к интересным выводам и оценкам того или иного региона. Некоторые эксперты критически пересматривают известные теории, связанные с региональной тематикой, создают свои собственные интегрированные теоретические подходы.

В рамках данной главы рассмотрим некоторые теории, которые, с нашей точки зрения, могут быть отнесены к подходам, продолжающим развитие теорий регионализма.

Теория кластеров регионального мира и безопасности была сформулирована в 2008 г. Родриго Таваресом (*Rodrigo Tavares*), исследователем Университета ООН (UNI-CRIS) в Бельгии и Школы глобальных исследований Университета Гётеборга (Швеция) в работе «Изучая региональный мир и безопасность: поле для анализа» [Tavares, 2008, p. 107–127]. Р. Таварес вступает в спор с Б. Бузаном и его теорией региональных комплексов безопасности, а также теоретиками «регионального порядка» Д. А. Лейком и П. М. Морганом [см.: Lake, Morgan]. Суть критики Тавареса

сводится к тому, что аналитический подход Бузана имеет ряд ограничений. К примеру, у Бузана «функциональными акторами» являются те, кто может отвечать на угрозы. Это преимущественно государства. Однако Бузан не объясняет, кто и как регулирует вопросы безопасности на региональном уровне. Критике также была подвергнута концепция «враждебности» и «дружественности» как переменных величин, от которых зависит уровень взаимозависимости и вследствие этого — формирование «конфликтной формации» или «режима безопасности» в регионе. Таварес пишет о том, что Бузан концентрируется преимущественно на процессе секьюритизации, но сам этот процесс в рамках региональных комплексов безопасности является слабодоказуемым. Целью своей работы Таварес обозначает «изучение взаимных изменений между компонентами регионального мира и безопасности», которые позволят создать более всеобъемлющую картину происходящего и спрогнозировать будущее [Tavares, 2008, p. 109].

Для понимания региональной динамики и построения мира и безопасности в регионе необходимо полностью проанализировать внутренний механизм взаимодействия в каждом конкретном регионе. С этой целью Таварес использует теорию региональных кластеров. Региональный кластер включает шесть ключевых основ: агенты мира и безопасности (*agents for peace and security*), инструменты для построения мира (*peace instruments*), модель безопасности (*security pattern*), конфликтная модель (*conflict pattern*), позитивная модель мира (*positive peace pattern*) и уровень региональной интеграции (*level of regional integration*).

Под *агентами мира и безопасности* Таварес имеет в виду акторов, которые могут обеспечить трансформацию небезопасной среды в безопасную. К таким акторам он относит индивидуумов, национальных акторов (государства и гражданское общество) и региональных акторов (региональные организации, региональное гражданское общество или экономические агенты).

Инструменты для построения мира — это «инициативы, политики, методы и процессы, которые позволяют управлять угрозами и/или сконструировать мир» [Ibid., p. 112]. К таким инструментам

он причисляет вооруженное насилие, баланс сил, гегемонию, военные альянсы, управление региональным миром и безопасностью региональными организациями, торговые соглашения (гармонизацию национальных политик), нормативную вовлеченность и институционализм, региональную идентичность и федерализм / локальное представительство.

Модель безопасности Таварес заимствует у Б. Бузана, признавая неоспоримость его подхода. Модель безопасности базируется на подходе «взаимозависимости в области безопасности», движимой чувствами враждебности или дружбы. Таким образом, автор соглашается с тремя моделями безопасности: конфликтная формация, режим безопасности и плюралистическое сообщество безопасности.

Конфликтная модель региона — это взаимосвязь двух индикаторов: интенсивность конфликта и длительность мира. Соединяя эти два индикатора, Таварес создает типологию конфликтной модели региональных кластеров: склонные к насилию регионы (*violence prone*), такие как Ближний Восток, Южная Африка; регионы с отсутствием насилия (*absence of violence*), в которых, несмотря на наличие конфликтных ситуаций, конфликты не находятся в военной стадии (негативный мир). К последним он относит Южную Америку, Юго-Восточную Азию. Затем он выделяет регионы с наличием внутренних механизмов решения конфликтов (*conciliation*), где существуют нормы и ценности, разделяемые всеми участниками, и отсутствует насилие как таковое.

Позитивную модель мира автор обозначает как нечто большее, чем просто отсутствие конфликтов. Характеристиками позитивной модели мира являются экономическое благосостояние, персональное самовыражение и т. п. Важным связующим звеном здесь являются взаимоотношения населения со своей политической элитой. Взяв за основу три индикатора — общественную легитимность, политическое участие и общественное признание, Таварес структурирует три типа регионов: угнетенный регион (*deprived region*), умеренный регион (*moderate region*) и богатый регион (*wealthy region*).

Уровень региональной интеграции классифицируется Таваресом по степени интенсификации или прогрессивности. В социокультурной сфере это может выражаться в появлении плюралистического сообщества безопасности; в политико-институциональном плане — как появление региональных институтов и общего формулирования политики; в экономической сфере — как политика либерализации торговли, содействие инвестициям, свобода передвижения людей, межрегиональная торговля и т. п. Таварес предлагает выделить три уровня региональной интеграции в зависимости от интенсификации: низкий уровень интеграции (роль самостоятельности государств очень высока, национальный суверенитет доминирует); средний уровень интеграции (частичный отказ от национального суверенитета в пользу региональной интеграции) и высокий уровень интеграции (национальные правительства теряют контроль над осуществлением политики на национальном уровне, национальный суверенитет передается на уровень регионального института).

Р. Таварес дает следующее определение *кластеров регионального мира и безопасности (КРМБ)*: «Набор отношений в области мира и безопасности, которые имеют место на большой территории (регионе), движимые акторами, действующими на разных уровнях региональной интеграции, которые используют различные инструменты для изменения моделей безопасности, конфликта и позитивного мира» [Tavares, 2008, p. 110]. Исследователь осуществляет структурирование кластеров на основе следующих критериев: территория, в рамках которой можно проследить деятельность акторов; компоненты (акторы мира и безопасности), инструменты для построения мира, модель безопасности, конфликтная модель, позитивная модель мира и уровень региональной интеграции и, наконец, связи (изменение ценностей одного из компонентов приводит к изменению значимости других).

Подобно подходам Б. Бузана и Б. Хеттне, Р. Таварес дает свои вариации кластеров регионального мира и безопасности, подчеркивая, что, в отличие от подходов регионализации и регионализма,

выделенные им кластеры возникают спонтанно как вариации шести компонентов. Таварес предлагает четыре типа кластеров:

– *Региональная фрагментация* (низкий уровень региональной интеграции, низкий уровень позитивного мира, инструменты построения мира преимущественно через военное насилие, использование баланса сил). В качестве примеров подобных кластеров он приводит Ближний Восток, Южную Азию.

– *Региональная коалиция* (здесь выделяется инструментарий построения мира и безопасности, а именно экономическое сотрудничество, наличие региональной организации). К таким кластерам он причисляет Юго-Восточную Азию и Южную Америку.

– *Региональное сообщество*, в котором наличие мира и безопасности признается всеми участниками. Это регион с плюралистическим сообществом безопасности, здесь присутствует понимание и признание собственной региональной идентичности. В качестве примера автор ссылается на Европейский союз.

– *Региональное государственное устройство*, в котором отрицается традиционный суверенитет и действуют новые наднациональные механизмы. Ему присущи высокая степень региональной интеграции, объемная модель позитивного мира и т. п. Этот тип кластера является умозрительным и не имеет эмпирического примера.

Автор утверждает, что каждый тип кластера постоянно меняется. Исследование фокусируется на том, *что* меняется и *почему* происходят данные изменения.

Исследование кластеров Р. Таварес продолжает в другой своей работе «Региональное структурирование (кластерирование) мира и безопасности», в которой он дает более широкую классификацию регионов мира, а именно выделяет *регионы небезопасности-насилия* и *регионы мира-безопасности* [Tavares, 2009, p. 153–164]. Акцент делается на процессе появления того или иного типа регионов, причин формирования той или иной модели. Таким образом, Р. Таварес укрупняет поле исследований, структурируя мир региональными кластерами и изучая процессы и взаимосвязи внутри сложных мирных и немирных кластеров.

Труды Р. Тавареса являются продолжением исследований в области регионализма и региональных комплексов безопасности. Введение понятия «кластер» не является новым в теориях регионализма, данное понятие широко используется представителями экономической ветви теорий регионализма [см., например: Hospers, Beugelsdijk, p. 381–402]. Новизна подхода Тавареса состоит в том, что, вводя термин «кластер безопасности», он по-новому рассматривает систему формирования региональной безопасности и формирования новых региональных объединений.

5.2. Концепты идентичности и пространства

Проблемы построения единого европейского пространства вызвали всплеск работ и подходов по построению не только общеэкономического и общеполитического пространства, но и пространства общей культуры и идентичности. Как страны с разным историческим наследием, с разным экономическим и политическим уровнем развития могут сформировать общую идентичность, кто и как может выступить инициатором данной конструкции? Работ, посвященных данным вопросам, немало, многие авторы занимались изучением концепции идентичности в рамках региональных и глобальных процессов. Ниже рассмотрим работы, посвященные концептуализации проблем региональной идентичности, тех авторов, которые определяют себя как теоретики «нового» регионализма, а именно Ансси Пааси, исследователя департамента географии Университета Оулу (Финляндия) [Paasi, p. 475–485], Джозефины Сисснер, сотрудника Исследовательского центра миграции, этничности и общества (REMESO, Швеция) [Syssner, p. 437–458], и Томаса Перрена, сотрудника Института исследований социальных наук (PACTE-CNRS Laboratory, Гренобль, Франция) [Perrin, p. 459–475].

Работа Ансси Пааси посвящена определению таких понятий как «идентичность региона» и «региональная идентичность» (как тип регионального самосознания). Проведя историографический анализ определений региональной идентичности, Пааси

формулирует ряд методологических проблем в существующих подходах к региональной идентичности. Первая проблема связана с тем, что формы интерпретации, классификации «регионов» и «региональных идентичностей» являются сугубо политическими категориями. Проблема конструирования идентичности региона напрямую связана с вопросом: формирование идентичности есть естественный процесс или процесс, который конструируется политиками и элитами? Кто дает определение и характеристики тому, что мы понимаем под региональной идентичностью?

Вторая проблема связана с тем, что, определяя региональную идентичность, исследователи изучают ее как определенный феномен в конкретно заданном регионе, используя конкретный набор методов. Например, Евробарометр использует методы опроса, которые не включают такие материалы, как региональный фольклор, тексты, фильмы и др. [см.: Евробарометр...]. Подобные исследования используют узкий эмпирический материал для формирования подходов к понятию региональной идентичности.

Определение региональной идентичности чаще всего осуществляется через использование географического подхода, который позволяет определять ту или иную идентичность через призму конкретной территории и этноса. В настоящее время используется более широкий подход в исследовании идентичности «пространства без определённых границ».

Ансси Пааси ставит значительное количество вопросов относительно того, что есть региональная идентичность. С ее точки зрения, процесс концептуализации данного подхода не завершен и требует дальнейшей разработки.

Джозефина Сисснер отмечает, что в теориях современного регионализма уделяется незначительное внимание проблемам культуры и идентичности [Syssner, p. 437]. В своей работе она ставит несколько исследовательских задач. Первая — понять, как культура и идентичность концептуализируются в регионе и как политические лидеры могут использовать данные концепты?

На примере европейских регионов Сисснер рассматривает формирование различных типов культур и идентичностей в тех

регионах, где региональное соперничество становится целью политических элит. Соперничество регионов в глобальной гонке за экономический рост может быть рассмотрено через призму региональной культуры и региональной идентичности. В этом случае уместным является использование таких категорий, как «формирование стереотипов» (*stereotypification*), «коммодификация» (*commodification*) и «стратификация» (*stratification*).

Формирование стереотипов подразумевает наличие общей региональной истории и современной практики формирования бренда региона, в рамках которой происходит отбор позитивных характеристик региона.

Культурная коммодификация здесь понимается как культурный объект, который может быть определен в товарно-денежном эквиваленте, например индустрия культуры в широком смысле или культурный туризм, региональные продукты, которые могут создать экономическую привлекательность региону.

Культурная стратификация предполагает процесс представительства в региональной политике «внерегиональных» и «не приносящих прибыль» культурных проявлений, таких как, например, мультикультурализм. Иммигранты и «внерегиональные» культуры не всегда могут стать культурным ресурсом для развития региона, поэтому изучение стратификации культур очень важно в данном контексте.

Дж. Сисснер акцентирует внимание на том, что стереотипизация, коммодификация и стратификация играют важную роль в политике строительства регионов. Использование концептов «культура» и «идентичность» в укреплении конкурентоспособности региона является темой, требующей новых исследований. Остался нерешенным вопрос относительно того, что движет формированием региональной идентичности, а именно внутренние процессы или осознанная деятельность политических элит?

Томас Перрен продолжает дискуссию о конструировании региональной идентичности. В исследовании «Новый регионализм и культурные политики: особые и отличные стратегии, от локальных до глобальных» он стремится показать, как политики

в области культуры могут содействовать регионалистским стратегиям. Перрен выделяет два варианта действий: формирование региональной культурной идентичности, которая опирается на наследие региона, не отказываясь в то же самое время от созидательных стратегий, и использование культуры как мягкой силы в рамках продвижения бренда региона.

По своей сути работа Перрена носит практический посыл для строительства еврорегионов с учетом практики построения общей культуры и идентичности. Он призывает продолжать исследования в области «нового» регионализма с учетом расширения предметных полей исследования, включая геоисторический и геокультурный подходы, определяющие межрегиональное и внутригосударственное сотрудничество, а также изучать, как внутригосударственные власти мобилизуют культурную динамику для строительства наднациональных институтов.

Работы Пааси, Сисснер и Перрена подчеркивают их интерес к социологическим, антропологическим, культурным исследованиям в рамках подходов «нового» регионализма. Изучение проблем формирования общеевропейской культурной идентичности в новых глобальных условиях подталкивает авторов к решению новых задач. Указанные авторы ставят немало интересных вопросов о том, что есть региональная идентичность, как происходит ее формирование и можно ли влиять на данный процесс. В сущности, в их работах ставится больше вопросов, чем дается ответов. Несмотря на то, что подходы и предложения, высказанные тремя авторами, претендуют на возможность их использования в политической практике, все авторы призывают своих коллег-исследователей «нового» регионализма не останавливаться на достигнутом и продолжать работу в данном направлении.

5.3. Компаративный регионализм

Термин «компаративный» или «сравнительный» регионализм (*comparative regionalism*) появился сравнительно недавно. Авторы, использующие данный термин, обозначают новый этап в эволюции

подходов регионализма как всеохватывающее комплексное исследование региональных процессов.

Одним из первых данный термин вводит в научный оборот Финн Лаурсен в изданной под его редакцией монографии «Компаративная региональная интеграция» [см.: *Comparative Regional Integration...*]. Целью исследования является рассмотрение интеграционных процессов с точек зрения разных теорий, а именно реализма, институционализма и др. В написании книги участвовали такие авторы как Фредерик Содербаум, Люк Ван Лангенхове, Алекс Варлейх-Лак и другие. Позднее в развитие темы вышли несколько работ, написанных этими же авторами, среди них исследование Фредерика Содербаума и его коллег, в которых используется термин «сравнительный регионализм» применительно к изучению региональной динамики [Söderbaum, Sbragia; De Lombaerde, Söderbaum et al.]. Авторы поднимают такие актуальные вопросы, как может ли Европейский союз стать примером и матрицей исследований для других регионов и может ли этот единичный случай стать отправной точкой для других исследований? Какие индикаторы указывают на формирование региональной интеграции? Таким образом, продолжаются дискуссии по вопросам о том, что происходит в регионах и как происходит региональное строительство или регионализм как процесс.

В рамках данной работы рассмотрим теории компаративного регионализма Алекса Варлейх-Лака (*Alex Warleigh-Lack*) и Люка Ван Лангенхове (*Luk Van Langenhove*), сотрудников Института изучения компаративной региональной интеграции Университета ООН из Брюгге, а также Амитава Ачарии (*Amitav Acharya*) из Школы международных исследований Американского университета, Вашингтон (штат Колумбия, США) [см.: Warleigh-Lack, p. 541–562; Acharya, 2012, p. 3–15]. Каждый из указанных авторов использует свою трактовку понятия «сравнительный регионализм».

Исследуя динамику развития Европейского союза, Алекс Варлейх-Лак и Люк Ван Лангенхове приходят к выводу о необходимости применения метода сравнительного анализа к региональной

динамике как к части компаративного анализа в рамках социальных наук. Цель анализа — сравнение различных стран и культур. С точки зрения исследователей, к регионам можно применить два социологических подхода, а именно изучение межнациональных процессов (сбор эмпирических данных по регионам) и идеографический подход (подразумевающий детальное изучение каждого отдельного случая и выделение особенностей). Таким образом, под сравнительным регионализмом авторы подразумевают крен в сторону социального конструктивизма при изучении регионов.

Алекс Варлейх-Лак и Люк Ван Лангенхове предлагают четыре уровня для проведения сравнительного анализа:

- сравнительный анализ формирования национального государства и формирования региона через изучение истории формирования государств и процессов унификации внутри национального государства;

- сравнительный анализ разных форм региональной интеграции во взаимосвязи с географическим положением стран региона и их размеров и с процессом исторического развития;

- сочетание подходов в поисках общей логики регионального строительства с учетом отличительных особенностей каждого региона в отдельности, структуры и состава региона и т. п.;

- изучение внутрирегиональных и межрегиональных процессов.

Таким образом, авторы подхода предлагают руководство для изучения региональной динамики внутри Европейского союза, учитывая новую методологию исследования, а также предыдущий опыт разработчиков региональных теорий.

Амитав Ачария продолжает дискуссию о том, что есть регионализм, какую трансформацию прошла теория, и какие вопросы остаются за рамками исследования. Он констатирует, что теоретики наконец определились с тем, что процесс регионализации отличается от процесса регионализма, который может выходить за рамки региональных организаций и может быть организован как политическими инструментами, так и посредством других механизмов. Теоретики стали применять теории конструктивизма,

понимая под регионом не просто географическое пространство, но и социальную составляющую процессов регионального взаимодействия. Одно из важных достижений современных подходов заключается в постановке под сомнение примера Европейского союза как эволюционного строительства региона. Это дало возможность переключить исследования на незападные регионы, учитывая их специфику.

Ачария понимает под сравнительным регионализмом теорию регионализма в целом с учетом исторического наследия исследований в этой области и выходом за рамки теорий региональной интеграции и сравнительной региональной интеграции.

Констатируя незавершенность процесса теоретических изысканий среди как европейских, так и незападных ученых, исследующих регионализм, Ачария ставит несколько задач для «исследовательского поля “сравнительного” регионализма» [Acharya, 2012, p. 13–14].

Во-первых, учитывая разнообразие подходов и продолжение теоретических исследований, можем ли мы прийти к соглашению, что какие-то конкретные теории и концепции станут основой для сравнительного регионализма? Или мы должны оставить поле сравнительного регионализма для конкурентной борьбы и соперничества теоретиков?

Во-вторых, развивая теорию сравнительного регионализма, должны ли мы придерживаться метода индукции, а не дедукции, то есть вместо того, чтобы взять за основу некие общие подходы для исследования регионов (как в случае с ЕС), сделать акцент на изучение особенностей каждого региона для поиска общих и отличительных особенностей?

В-третьих, должны ли мы договориться о существовании критериев регионализма (то есть когда мы можем сказать, что конкретный регион состоялся или тип регионализма стал реальностью), или мы должны оставить этот вопрос открытым?

В-четвертых, должно ли исследование регионализма выходить за рамки оценки эффективности деятельности институтов,

или, если изучать эти институты, то как они влияют на процесс регионализма?

И наконец, как концептуализировать теоретически и практически относительную автономию региона? Является ли самостоятельность региона лишь его ролью в распределении полномочий в экономическом, политическом, социальном пространствах? Как определять роль регионов в процессе глобализации: как сопротивление, как часть процесса глобализации или как то и другое вместе? Как регионы производят и передают свои идеи и воспринимают другие регионы в мире? Как регионы создают, заимствуют, локализируют и репатрируют идеи и нормы, формируя «субсидиарность норм»?

Амитав Ачария утверждает, что пришло время для более комплексного исследования того, что называют регионализмом.

Вопросы для самоподготовки

1. Чем обосновывается формирование новых подходов в изучении регионализма и региональной динамики?
2. Каковы особенности теории региональных кластеров мира и безопасности?
3. Почему так важно изучать процессы формирования региональной идентичности?
4. Каковы особенности сравнительного регионализма?
5. Будут ли появляться новые взгляды и теории в рамках регионализма и региональной безопасности?

Список рекомендуемой литературы

- Acharya A.* Comparative Regionalism : A Field Whose Time has Come? / A. Acharya // The Intern. Spectator: Italian J. of Intern. Affairs. 2012. № 47/1. P. 3–15.
- De Lombaerde P.* The Problem of Comparison in Comparative Regionalism Regionalism / P. De Lombaerde, F. Söderbaum, L. Van Langenhove, F. Baert // University of Miami under the co-sponsorship of the Miami-European Union Center. URL: <http://aei.pitt.edu/14995/1/CompReg.pdf> (mode of access: 09.07.2013).
- Paasi A.* Region and Place: Regional Identity in Question / A. Passi // Progress in Human Geography. 2003. № 27/4. P. 475–485.

- Perrin T.* New Regionalism and Cultural Policies : Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global / T. Perrin // J. of Contemporary Europ. Studies. 2012. № 20/4. P. 459–475.
- Söderbaum F.* Linking European Integration and Comparative Regionalism / F. Söderbaum, A. Sbragia // Paper for UACES Conference, Bruges, 2010. URL: http://uaces.org/documents/papers/1001/soderbaum_f.pdf (mode of access: 09.07.2013).
- Syssner J.* Conceptualization of Culture and Identity in Regional Policy / J. Syssner // Regional & Federal Studies. 2009. № 19/3. P. 437–458.
- Tavares R.* Regional Clustering of Peace and Security / R. Tavares // Global Change, Peace & Security: Formerly Pacifica Review : Peace, Security & Global Change. 2009. № 21/2. P. 153–164.
- Warleigh-Lack A.* Rethinking EU Studies : The Contribution of Comparative Regionalism / A. Warleigh-Lack, L. Van Langenhove // J. of Europ. Integration. 2010. № 32/6.

Лекция 6

КРИТИКА ТЕОРИЙ «НОВОГО» РЕГИОНАЛИЗМА

Ключевые слова: теории районирования; вульгарный регионализм; «новый» институционализм; умозрительный регионализм; экономический регионализм; политический регионализм; «другой» регионализм

6.1. «Теория, ведомая политикой»

Теории «нового» регионализма и теории, связанные с процессами региональной интеграции и безопасности, появившиеся в 1990-х гг., встретили не только поддержку и положительную оценку новых концепций, но и критику, в первую очередь от представителей географической науки. Наиболее жесткой критике эти подходы были подвергнуты представителем английской географической школы Джоном Ловерингом (*John Lovering*) и его коллегой профессором географического факультета Университета Лафборо Дж. Харрисоном (*John Harrison*). Рассмотрим и синтезируем общие критические замечания в адрес теорий регионализма.

Джон Ловеринг, профессор департамента городского и регионального планирования Университета Кардиффа, опубликовал в 1999 г. исследование «Теория, ведомая политикой: недостатки “нового регионализма” в экономической географии, иллюстрируемые примером Уэльса» [Lovering, p. 379–395]. В своей статье Ловеринг начинает с того, что ортодоксальный подход «нового» регионализма, по его мнению, строится на очень зыбких аргументах. «Новый» регионализм ошибочно утверждает, что становление региона происходит как следствие «нагрева» экономического развития, и основывается на нормативном заблуждении, что «регион сам по себе» должен быть главным приоритетом экономической

политики*. «“Новые регионалисты” рассказывают нам привлекательную и увлекательную историю, но это научная фантастика», — утверждает Дж. Ловеринг [Ibid., p. 380].

Основные претензии к теориям «нового» регионализма Дж. Ловеринг сосредоточил по следующим направлениям. Во-первых, он полагает, что в них расплывчато представлено само понятие «регион», которое выглядит в географических параметрах крайне расплывчато. Во-вторых, он объявляет спорными сами принципы, на основании которых рассматривается формирование регионов. Одни объясняют это историко-экономическим развитием, то есть, по их мнению, происходит технологическая и организационная трансформация, и регион постепенно становится основой экономической и социальной жизни. По мнению других, регион, как следствие, возникает в результате институциональных изменений.

Дж. Ловеринг полагает, что теоретикам регионализма не удалось объяснить экономическое развитие регионов в целом и выработать рекомендации для тех, кто руководит региональным строительством. В конечном итоге своими экспертными оценками они вводят в заблуждение национальные, локальные и региональные власти, научную среду и журналистов.

По мнению Дж. Ловеринга, концепция региона породила множество спекуляций, гипотез, моделей и широкие дискуссии в 1990-х гг. Ловеринг предлагает разделить теоретические подходы регионализма на *умозрительные* и *вульгарные*. Первые теории работают в теоретическом срезе с целью изобретения идеальных типов. Их цель состоит в установлении теоретических возможностей (таких как роль экономического взаимодействия или отношения доверия в территориальных промышленных кластерах). Такие подходы являются чисто умозрительными и не претендуют на эмпирическую реализацию. В отличие от первых, «вульгарный» новый регионализм предполагает или подразумевает, что теоретические категории могут быть применены в реальности. Опасность

---

* Ловеринг к теориям «нового» регионализма относит работы следующих авторов: [Amin; Morgan; Storper].

данных подходов в том, что многие из них являются «сырыми», чрезмерно обобщенными или просто неточными.

В качестве обоснования собственной точки зрения о «вульгарных» теориях Дж. Ловеринг использует пример Уэльса. По его мнению, пример Уэльса наглядно доказывает неработоспособность теории нового регионализма. Исследователь выделяет слабые стороны данного подхода: недостаточность философского и методологического обоснования; существенные экономические и политико-социологические провалы.

С точки зрения методологии, теоретики нового регионализма используют метод абстракции, который, по мнению Ловеринга, является важным и значимым методом анализа, но только при условии его правильного использования. Негативным следствием абстракции может стать игнорирование специфики явлений с целью подведения ее под общую концепцию. «Большая часть представителей нового регионализма страдает применением абстракции данного типа», — утверждает Ловеринг [Lovering, p. 390]. Представители нового регионализма абстрагируются от реальных процессов, которые происходят в реальном времени и пространстве, поэтому их выводы не являются обоснованными и подтвержденными ни эмпирикой, ни результатами строго дедуктивного процесса.

Еще одна проблема теорий «нового» регионализма связана с упрощенным восприятием экономического развития. Авторы анализируют региональную динамику преимущественно с точки зрения микроэкономического фокуса. Макроэкономический уровень не принимается ими для рассмотрения, и это приводит к снижению таких факторов влияния в экономике, как инновации и их роль в развитии фирм и промышленных кластеров. В работах также не уделяется внимание финансовому капиталу и региональному рынку труда.

Следующая проблема связана с отсутствием политической составляющей в теориях. Ловеринг утверждает, что региональная трансформация породила новый класс региональных акторов, которые требуют отдельного изучения.

Как альтернативу «новому» региональному подходу Ловеринг противопоставляет теории районирования, в которых важное место занимают рост городов-регионов и изменение структуры управления. Это есть не повторение некоей новой модели экономической организации или нового культурно-технологического процесса, а изменение повестки дня национального государства в отношении регионов — регионализация структуры управления.

С нашей точки зрения, критика Ловерингом теорий нового регионализма является чрезмерной. Не очень ясен выбор авторов, которых он относит к теориям «нового» регионализма, и, возможно, приведенный им пример Уэльса не является репрезентативным при рассмотрении теорий регионализма. Однако смысл теоретического посыла Ловеринга нам видится справедливым в том, что нельзя признавать теории «нового» регионализма в качестве ортодоксальных, эти теории не должны монополизировать теоретическое пространство вокруг региона.

6.2. «Критика с симпатией»

Джон Харрисон, старший преподаватель демографической географии географического факультета Университета Лафборо (Великобритания), представляет свою точку зрения на особенности развития и трансформации теорий регионализма и региональной безопасности. Одна из многочисленных работ Дж. Харрисона называется «Пересматривая “новый регионализм”: критика с симпатией» (2006). По существу, она посвящена спору с критической оценкой Ловерингом теорий регионализма. Харрисон подчеркивает важность и неоспоримость подходов «нового» регионализма, но в то же время признает, что количество теоретических подходов чрезмерно и не упорядочено [см.: Harrison, p. 21–46]. Исходя из этого, он пытается противопоставить собственный критический анализ теорий регионализма.

Констатируя наличие огромного количества исследований и подходов, объединенных общим названием «новый»

регионализм, Харрисон предлагает провести между ними водораздел, выделяя экономический и политический регионализм. К экономическим подходам Харрисон относит теории «нового институционализма» А. Амина (A. Amin) и Н. Трифта (N. Thrift), в рамках которых рассматривается интенсификация связей внутри региона («*thickening*» process) как в рамках организации или института (*hard institutionalism*), так и в рамках социокультурных связей (*soft institutionalism*). Затем он выделяет теории П. Кука (P. Cooke) и К. Моргана (K. Morgan), в которых делается акцент на усиление связей внутри региона, как экономических, так и культурных и интеллектуальных [см.: Cooke, Morgan, p. 543–564]. Следующим блоком исследований, на которые Харрисон обратил свое внимание, были теории М. Сторпера (Storper's «regional world action framework») о формировании действующих границ регионального мира в рамках капиталистического развития, когда усиливаются экономические связи именно в региональном измерении [Storper, p. 31].

Теоретические школы, акцентирующие внимание на политических аспектах регионализма, Харрисон называет «другим» альтернативным регионализмом. Здесь он использует классификацию МакЛеода о трех типах регионализма: функциональная регионализация, институциональный регионализм и политический регионализм.

Апеллируя к критическим замечаниям Ловеринга, Дж. Харрисон предлагает свое видение недостатков теоретических школ в рамках «нового» регионализма. По его мнению, установилась дистанция между представителями школ, традиционно изучающими регионы, такими, как политические географы и представителями других наук. Предложения Харрисона сводятся к необходимости инкорпорировать в теории «нового» регионализма подходы «новых» региональных географов, то есть тех, кто также изучает проблемы трансформации регионов и региональной динамики в новых условиях. Также он предлагает систематизировать работы социальных конструктивистов в рамках регионального подхода. Пространственная среда меняется, поэтому необходимо

критически пересматривать подходы. Если мы хотим понять, что есть регион, необходимо выйти за рамки рассмотрения его единичными школами, которые рассматривают регион в определенной изоляции от других.

Харрисон находит еще одно важное упущение в теориях «нового» регионализма — отсутствие исследований новой роли государств в меняющихся условиях, а именно как выстраиваются отношения между регионом и государством. «Новый» регионализм сформировал опасный парадокс: государство остается основным каналом, через который региональная политика координируется и проводится, но в то же время само государство остается за рамками исследования.

«Новый» регионализм, по мнению Харрисона, также не учитывает взаимосвязь регионального строительства и макроэкономический уровень капиталистической экономики. Он обращает особое внимание теоретиков на необходимость рассмотрения подходов к экономическому управлению в период экономических кризисов как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях, а также анализирует варианты межрегиональной конкуренции и возможные политические последствия данной конкурентной борьбы.

Одна из наиболее серьезных претензий к теориям «нового» регионализма относилась к оценке институциональных изменений, политических решений. По мнению Ловеринга, она базировалась на очень зыбких теоретических основаниях. Харрисон соглашается с тем, что реальная политика опережает теоретический анализ. Чтобы избежать эмпирических ошибок, Харрисон предлагает усилить такие направления теоретического анализа, как историческое наследие региона, которое определяет динамику развития, внутрисоциальные связи и т. п., а также «социальный капитал», который формирует социальное доверие, нормы, вовлечение гражданского общества в экономическое развитие региона и, наконец, «мягкую» институционализацию как инструмент, содействующий выстраиванию внутрирегиональных связей, и механизм которой должен быть изучен более детально. Особое внимание он

уделяет внутрорегиональному регулированию, которое не может строиться на «сырой» теории, так как включает разные уровни взаимосвязей и разные типы регионов.

Подытоживая свой критический анализ, Харрисон еще раз напоминает о необходимости расширить теоретическое поле «новых» регионалистов и быть готовыми к новым дебатам.

6.3. Критический взгляд на критику «нового» регионализма

Философской аксиомой является то, что любая теория, которая заявляет о своем существовании, подвергается критике. Теория «нового» регионализма не является исключением. Новый подход в региональной тематике не мог не вызвать критику, прежде всего со стороны представителей политической географии, которые опираются на иной методологический аппарат. Для представителей географической школы понятие «регион» используется как в более широком смысле, чем национальное государство, так и в качестве внутrigосударственного объекта, например, город-регион, область-регион. Критерии определения регионов у представителей географической науки, следовательно, отличаются от тех, что используют экономисты, представители политической и социологической наук. Однако, с нашей точки зрения, критика «нового» регионализма со стороны представителей географической науки представляет несомненный интерес.

Действительно, стремление политиков структурировать мир как мир регионов опережает научные исследования в этом направлении. Существуют определенные методологические проблемы в рамках каждого теоретического подхода. Тем не менее, критические замечания цитированных выше географов, в свою очередь, вызывают следующие вопросы, а именно почему они выбирают преимущественно экономико-институциональные блоки «нового» регионализма для своего критического анализа? Почему, к примеру, Харрисон не анализирует «другой» политический подход к «новому» регионализму? Может ли быть пример

Великобритании и Уэльса единственным доказательством неправоты теории «нового» регионализма?

Критически оценивая саму критику «нового» регионализма, можно обобщить ряд принципиальных замечаний и претензий к данному теоретическому направлению. Во-первых, количество школ, направлений, подходов, которые называют себя или причисляют себя к теориям «нового» регионализма, действительно огромно. Хеттне, Харрисон и другие критики предпринимали попытки систематизировать и классифицировать данные подходы, однако изменяющиеся условия в рамках глобального, регионального и национального измерений открывают широкое пространство для новых открытий.

Таким образом, идентификация теорий «нового» регионализма сегодня осуществляется преимущественно на уровне самоидентификаций авторов исследований, что затрудняет классификацию данного направления.

Во-вторых, огромное количество авторов и школ, изучающих регионализм, работают в разных научных направлениях — экономика, география, политика, социология, антропология и другие. Каждое из направлений имеет свою методологию исследования, эмпирическую базу, но пока большинство направлений работает изолированно. В связи с этим можно говорить о «новом» регионализме, синтезирующем экономическую, политическую, социальную, географическую динамику. Здесь нельзя не согласиться с Харрисоном о необходимости вовлечения разных подходов при изучении каждого конкретного региона.

Вопросы для самоподготовки

1. Объективна ли, с вашей точки, зрения критика теорий «нового» регионализма?
2. С какими положениями вы можете согласиться, изучив критику теорий регионализма?
3. С какими утверждениями вы не согласны?
4. Почему возникают теоретические споры вокруг той или иной теории?

Список рекомендуемой литературы

- Amin A.* Tackling Regional Inequality in Europe / A. Amin // Soundings : Special Issue the Next Ten Years. 1997. P. 365–378.
- Amin A., Thrift N.* Living in the global / A. Amin, N Thrift // Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe. Oxford, 1995. P 1–19.
- Harrison J.* Re-reading the New Regionalism: A sympathetic Critique / J. Harrison // Space & Polity. 2006. № 10/1. P. 21–46.
- Harrison J.* Towards the new 'Regional World?' / J. Harrison ; hrsg. A. Growe, K. Heider, C. Lamker, S. Paßlick, T. Terfrüchte // Polyzentrale Stadtregionen — Die Region als planerischer Handlungsraum. Hannover, 2012. P. 10–21.
- Lovering J.* Theory Led by Policy : The Inadequacies of the «New Regionalism» (Illustrated from the Case of Wales) / J. Lovering // Intern. J. of Urban and Regional Research. 1999. № 23/2. P. 379–395.
- Morgan K.* The Learning Region : Institutions, Innovation and Regional Renewal / K. Morgan // Regional Studies. 1997. № 3. P. 491–503.
- Storper M.* The Resurgence of Regional Economies, Ten Years Later / M. Storper // Europ. Urban and Regional Studies. 1995. № 2. P. 191–221.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТЕОРИИ И РЕГИОНЫ: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ СПОР?

Изучение региональных процессов, с нашей точки зрения, задача непростая. До сих пор существуют методологические споры о том, что есть регион, как он формируется, какова структура данного объединения. Продолжаются теоретические споры о том, что есть регионализация и что есть регионализм, что первично — политика или практика. Существует огромное количество концептуально отличающихся подходов и точек зрения, касающихся одних и тех же регионов. Многообразие регионов не позволяет создать единую теоретическую модель. Изменяющаяся глобальная, региональная и национальная среда создает условия для появления новых подходов.

В сентябре 2013 г. вышла в четырех томах объемом свыше полутора тысяч страниц онтология региональных исследований под редакцией Фр. Седербаума и Ф. Ломбаерде «Регионализм», которая подводит итоги 60-летнему периоду исследований региональных процессов и регионализма [см.: Regionalism...]. Четыре тома, составленные по хронологическому принципу, подводят этапные итоги в исследовании регионализма и определении того круга исследователей, которые внесли наиболее важный вклад в изучение регионализма и самих подходов.

Европейские исследования, положившие начало теоретическим исследованиям процессов построения институтов и регионального пространства, постепенно вытесняются новыми объектами исследования. Произошла констатация «завершенности» круга определённых теоретических взглядов по оценке процессов регионализации внутри Европы. Ряд авторов уже пишут о новом виде регионализма — «интеррегионализме» на примере США и ЕС, при этом проводя теоретический водораздел между

мотивами и принципами действия ЕС и США на мировой арене [см., например: Telo, p. 4–8]. Происходит теоретический поворот от европейской тематики в рамках изучения регионализма к другим регионам. Все больше внимание теоретиков привлекает Азия и региональные процессы внутри нее. Однако теории, изучавшие и изучающие европейскую интеграцию, а затем и другие регионы мира, позволили создать внушительную источниковую базу для исследователей и преподавателей. Все эти теории не конкурируют друг с другом, а дополняют возможности исследования процессов регионализации. Можно перефразировать слова аналитиков теорий европейской интеграции А. Винер и Т. Дица: «мозаика региональных теорий никогда не иссякнет» [Wiener, Diez, p. 6–8].

Изучение теорий и различных подходов открывает широкие возможности для аналитической деятельности исследователей, стремящихся к поиску причин и динамики различных процессов внутри тех или иных регионов или региональных объединений, а также для выстраивания прогностических сценариев или возможности для построения собственных концепций.

Список библиографических ссылок

- Грани глобализации : Трудные вопросы современного развития. М., 2003.
- Евробарометр — серии опросов общественного мнения Европейской комиссии [сайт]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 20.05.2014).
- Лукин А., Севастьянов С. Почему Россия пренебрегает Восточно-Азиатским саммитом? // Российский совет по международным делам [сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=232 (дата обращения: 20.05.2014).
- Макарычев А. С. Российские регионы и глобализация // International Policy Fellowships [сайт]. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus21.htm> (дата обращения: 20.05.2014).
- Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пленарном заседании 8-го Восточно-Азиатского саммита. 10 окт. 2013 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/BRP_4.nsf/ (дата обращения: 20.05.2014).
- Acharya A. Asian Regional Institutions and the Possibilities for Socializing the Behavior of States // ADB Working Paper Series. 2011. Nr. 82.
- Acharya A. Comparative Regionalism : A Field Whose Time has Come? // The Intern. Spectator : Italian J. of Intern. Affairs. 2012a. Nr. 47/1.
- Acharya A. Foundations of Collective Action in Asia : Theory and Practice of Regional Cooperation // The Asian Development Bank Institute [site]. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2012/02/14/4994.foundations.collective.action.asia/> (mode of access: 20.05.2014).
- Acharya A. Will Asia's Past Be Its Future? // Intern. Security. 2003. Nr. 28/3.
- Aggarwal V. K., Koo M. G. Asia's New Institutional Architecture : Evolving Structures for Managing Trade, Financial, and Security Relations. Berlin, 2007a.
- Aggarwal V. K., Koo M. G. The Evolution of Regionalism in East Asia // J. of East Asian Studies. 2007b. Nr. 7/3.
- Allison R. Regionalism, Regional structures and Security Management in Central Asia // Intern. Affairs : (Royal Institute of International Affairs 1944-). 2004. Nr. 80/3.
- Amin A. Tackling Regional Inequality in Europe // Soundings: Special Issue the Next Ten Years. 1997. P. 53–67 ; Morgan K. The Learning Region :

- Institutions, Innovation and Regional Renewal // *Regional Studies*. 1997. Nr. 3. P. 491–503 ; *Storper M.* The Resurgence of Regional Economies, Ten Years Later // *Europ. Urban and Regional Studies*. 1995. № 2. P. 161–22; и др.
- Amin A., Thrift N.* Living in the global // *Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe*. Oxford, 1995. P. 1–19.
- Börzel T. A.* Comparative Regionalism : A New Research Agenda // KFG Working Paper. 2011. № 28.
- Breslin S., Hook G.* Micro-regionalism and World Order : Concepts, Approaches and Implications / ed. by S. Breslin, G. Hook // *Microregionalism and World Order*. Basingstoke, 2002.
- Burley A., Mattli W.* Europe before the Court: A Political Theory of Legal Integration // *Intern. Organization*. 1993. № 47/1.
- Buzan B.* People, States and Fear : An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. UK, 2009.
- Buzan B., Waever O.* Regions and Powers : The Structure of International Security. 7th ed. N. Y., 2010.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: a New Framework for Analysis. L., 1998.
- Comparative Regional Integration / ed. by F. Laursen. Ashgate, 2005.
- Cooke P., Morgan K.* The Network Paradigm : New Departures in Corporate and Regional Development // *Environment and Planning D, Society and Space*. 1993. № 11.
- Deutsch K. W., Burrell S. A., Kann R. A.* Political Community and the North Atlantic Area : International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957.
- Economic Research Institute for ASEAN and East Asia [site]. URL: <http://www.eria.org/> (mode of access: 20.05.2014).
- Fawcett L.* Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // *Intern. Affairs* : (Royal Inst. of Intern. Affairs 1944-). 2004. № 80/3.
- Fawcett L.* Regionalism from Historical Perspective / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism : Theory and Practice*. L., 2005.
- Foqué R., Steenbergen J.* Regionalism: A Constitutional Framework for Global Challenges? / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism : Theory and Practice*. L., 2005.
- Gamble A.* Regional Blocs, World Order and the New Medievalism / ed. by M. Telo. 2nd ed. // *European Union and New Regionalism : Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era*. Cornwall, 2007.

- Gavin B., De Lombaerde P.* Economic Theories of Regional Integration / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism : Theory and Practice*. L., 2005.
- Ghilardi F.* Il sistema internazionale postwestfaliano : Crisi, trasformazioni e prospettive rivoluzionarie. Milano, 2007.
- Global Politics of Regionalism: Theory and Practice* / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove. L, 2005.
- Haas E. B.* Regime Decay : Conflict Management and International Organizations, 1945–1981 // *Intern. Organization*. Spring, 1983. № 37/2.
- Haas E. B.* The Obsolescence of Regional Integration Theory // *Research Series*. 1975. № 25. Цит. по: *Börzel T. A.* Comparative Regionalism. P. 7.
- Haas E. B.* The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // *Intern. Organization*. 1970. № 24/4.
- Haas E. B., Schmitter P. C.* Economics and Differential Patterns of Political Integration : Projections about Unity in Latin America // *Intern. Organization*. 1964. № 18/4.
- Hancock K. J.* Regional Integration : Choosing Plutocracy. N. Y., 2009.
- Harrison J.* Re-reading the New Regionalism : A sympathetic Critique // *Space & Polity*. 2006. № 10/1.
- Hettne B.* Beyond the «New Regionalism» // *New Political Economy*. 2005. № 10/4.
- Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *Politikon : South African J. of Political Studies*. 2006. № 33/1. Цит. по: *Börzel T. A.* Comparative Regionalism.
- Hettne B., Soderbaum F., Stalgren P.* EU as Global Actor in the South // *Swedish Institute for European Policy Studies*. 2008. № 8. URL: <http://theorytalks.fileave.com/EU%20as%20global%20actor.pdf> (mode of access: 20.05.2014).
- Hoffmann S.* Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe // *Daedalus*. 1966. № 95/3.
- Hooghe L., Marks G. A.* Postfunctional Theory of European Integration : From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British J. of Political Science* 2009. № 39/1. P. 1–23.
- Hospers G. J., Beugelsdijk S.* Regional Clustering Policies : Learning by Competing? // *KYKLOS*. 2002. V. 55.
- Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Rev. of Intern. Studies*. 1995.

- Hurrell A.* The Regional Dimension in International Relations Theory / ed. by M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove // Global Politics of Regionalism : Theory and Practice. L., 2005.
- Ikenberry G. J.* Il dilemma dell'egemone : Gli Stati Uniti tra ordine liberale e tentazione imperiale. Milano, 2007.
- Kaplan M. A.* System and Process in International Politics. N. Y., 1957.
- Katzenstein P. J.* Regionalism and Asia // New Political Economy. 2000. № 5/3.
- Keating M.* Rethinking the Region : Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia // ECPR Workshop, Regionalism Revisited. Territorial Politics in the Age of Globalization. Mannheim. March 1999. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.197.639&rep=rep1&type=pdf> (mode of access: 20.05.2014).
- Keohane R., Nye J. S.* Power and Interdependence : World Politics in Transition. Boston, 1977.
- Keohane R., Nye J. S.* World Politics and the International Economic System / ed. by C. Fred Bergsten // The Future of the International Economic System. Lexington, 1973.
- Kelly R. E.* Security Theory in the «New Regionalism» // Intern. Studies Rev. Summer, 2007. № 9/2.
- Kohler-Koch B.* The Strength of Weakness : The Transformation of Governance in the EU / ed. by S. Gustavsson, L. Lewin // The Future of the Nation State : Essays on Cultural Pluralism and Political Integration. Stockholm, 1996.
- Lake D. A., Morgan P. M.* Regional Orders : Building Security in a New World. Pennsylvania, 1997.
- Lindberg L. N. Scheingold S. A.* Regional Integration : Theory and Research. Cambridge, 1971.
- Lovering J.* Theory Led by Policy: The Inadequacies of the «New Regionalism» : (Illustrated from the Case of Wales) // Intern. J. of Urban and Regional Research. 1999 № 23/2.
- Marks G., Hooghe L., Blank K.* European Integration from the 1980s : State-centric v. Multi-level Governance // J. of Common Market Studies. 1996. № 34/3.
- Mattli W.* Explaining Regional Integration Outcomes // J. of Europ. Public Policy. 1999. № 6/1.
- Moravcsik A.* Why the European Community Strengthens the State : Domestic Politics and International Cooperation. Cambridge, 1994.

- Neumann I. B.* A Region-Building Approach to Northern Europe // Rev. of Intern. Studies. 1994. № 20/1.
- Nye J. S.* Patterns and Catalysts in Regional Integration // Intern. Organization. 1965.
- Paasi A.* Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography. 2003. № 27/4.
- Perkmann M.* The Rise of the Euroregion : A Bird's Eye Perspective on European Cross-border Co-operation // Lancaster University : [site]. URL: <http://www.lancaster.ac.uk/sociology/research/publications/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf> (mode of access: 20.05.2014).
- Perrin T.* New Regionalism and Cultural Policies : Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global // J. of Contemporary Europ. Studies. 2012. № 20/4.
- Quatre Motors per L'Europe [сайт]. URL: <http://www.4motors.eu/-Organizzazione-.html> (mode of access: 20.05.2014).
- Regionalism : in 4 Vol. / ed. by P. De Lombaerde, F. Soderbaum. SAGE Publications Ltd, 2013.
- Ruggie J. G.* Territoriality and Beyond : Problematizing Modernity in International Relations // Intern. Organization. 1993. № 47/1.
- Russett B.* International Regions and the International System : A Study in Political Ecology. Chicago, 1967.
- Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J.* Introduction: A Framework for Understanding Regionalization // Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes. L. ; N. Y., 2001.
- Schweller R.* Bandwagoning for Profit // Intern. Security. 1994. № 19.
- Soderbaum F.* Exploring Links between Micro-Regionalism and Macro-Regionalism / ed. by M. Farell, B. Hettne, L. Langenhove // Global Politics of Regionalism : Theory and Practice. L., 2005.
- Soderbaum F.* On the waning State conceptualization the Region and Europe as a Global Actor // Theory-Talks.org [open-source journal]. 2008. № 19. URL: <http://www.theory-talks.org/2008/10/theory-talk-19.html> (mode of access: 20.05.2014).
- Söderbaum F., Sbragia A.* Linking European Integration and Comparative Regionalism // Paper for UACES Conference, Bruges, 2010. URL: http://uaces.org/documents/papers/1001/soderbaum_f.pdf (mode of access: 09.07.2013) ; *De Lombaerde P., Söderbaum F.* et al. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism Regionalism // University of Miami under the co-sponsorship of the Miami-European Union Center

- [site]. URL: <http://aei.pitt.edu/14995/1/CompReg.pdf> (mode of access: 09.07.2013).
- Storper M.* The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. N. Y., 1997.
- Sukma R.* ASEAN Beyond 2015 : The Imperatives for Further Institutional Changes // Center for Strategic and International [site]. URL: [Studieshttp://www.eria.org/ERIA-DP-2014-01.pdf](http://www.eria.org/ERIA-DP-2014-01.pdf) (mode of access: 20.05.2014).
- Syssner J.* Conceptualization of Culture and Identity in Regional Policy // Regional & Federal Studies. 2009. № 19/3.
- Tavares R.* Regional Clustering of Peace and Security // Global Change, Peace & Security: Formerly Pacifica Review : Peace, Security & Global Change. 2009. № 21/2.
- Tavares R.* Understanding Regional Peace and Security : A Framework for Analysis // Contemporary Politics. 2008. № 14/2.
- Telo M.* European Union and New Regionalism : Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era / ed. by M. Telo. 2nd ed. Cornwall, 2007.
- Telo M.* Introduction: Globalization, New Regionalism and the Role of the European Union / ed. by M. Telo. 2nd ed. // European Union and New Regionalism : Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era. Cornwall, 2007.
- Thompson W.* The Regional Subsystem : A Conceptual Explication and a Propositional Inventory // Intern. Studies Quarterly. Vol. 17. March, 1973.
- Waltz K. N.* Theory of International Politics. N. Y., 1979.
- Warleigh-Lack A., Van Langenhove L.* Rethinking EU Studies : The Contribution of Comparative Regionalism // J. of Europ. Integration. 2010. № 32/6.
- Weiler J.* The Transformation of Europe in The Constitution of Europe. Cambridge ; N. Y., 1999.
- Wiener A., Diez T.* European Integration theory / 2nd ed. N. Y., 2009.

Список сокращений

СЕА	Ассоциация развития Юго-Восточной Азии	SEADA (SEA)	Southeast Asia Development Association
АНЗЮС	Тихоокеанский пакт безопасности	ANZUS	Security Treaty — Australia, New Zealand, United States
АРФ	Региональный форум АСЕАН	ARF	ASEAN Regional Forum
АСА	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии	ASA	Association of Southeast Asia
АСЕАН	Ассоциация стран Юго-Восточной Азии	ASEAN	Association of South East Asian Nations
АСПАК	Азиатский и тихоокеанский совет	ASPAC	Asian and Pacific Council
АТЭС	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество	APEC	Asia-Pacific Economic Cooperation
ВАС	Восточно-Азиатский саммит	EAS	East Asia Summit
ВТО	Всемирная торговая организация	WTO	World Trade Organization
ЕС	Европейские сообщества	EC	European communities
ЕС	Европейский союз	EU	European Union
КАРИКОМ	Карибское сообщество и общий рынок	CARICOM	Caribbean Community & Common Market
ЛАГ	Лига арабских государств	LAS	League of Arab States
МАФИЛИНДО	проект конфедеративного государственного объединения, включающего Малайю (ныне Малайзию), Филиппины и Индонезию	MAPHILINDO	Greater Malayan Confederation

НАТО	Организация североатлантического договора	NATO	North Atlantic Treaty Organization
ОАЕ	Организация африканского единства	OAU	Organization of African Unity
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе	OSCE	Organization for Security and Co-operation in Europe
ОВД	Организация Варшавского договора	WTO	Warsaw Treaty Organization of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance
ОИС	Организация исламского сотрудничества	OIC	Organisation of Islamic Cooperation
ООН	Организация объединенных наций	UN	United Nation Organization
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития	OEDC	Organisation for Economic Co-operation and Development
ПАФТАД	Соглашения о торговле и развитии в Тихоокеанском регионе	PAFTAD	Pacific Trade and Development
СААРК	Организация сотрудничества Южной Азии	SAARC	South Asian Association for Regional Cooperation
САДК	Южноафриканское сообщество развития	SADC	Southern African Development Community
СЕАТО	Организация договора о Юго-Восточной Азии	SEATO	South East Asia Treaty Organization
СЕНТО	Организация Центрального договора	CENTO	Central Treaty Organization — Baghdad Pact Organization
СЭВ	Совет экономической взаимопомощи	Comecon / CMEA	Council for Mutual Economic Assistance

ТС	Тихоокеанское сообщество	РС	Pacific Community
ТПП	Транс-Тихоокеанское партнерство	ТПР	Trans-Pacific Partnership
ТЭС	Тихоокеанский экономический совет	РБЕС	Pacific Basin Economic Council
ЭКОВАС	Экономическое сообщество стран Западной Африки	ECOWAS	Economic Community of West African States
ЭРИА	Экономический исследовательский институт АСЕАН и Восточной Азии	ERIA	Economic Research Institute for ASEAN and East Asia

Учебное издание

Михайленко Екатерина Борисовна

«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ» РЕГИОНАЛИЗМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Курс лекций

Редактор *Е. В. Березина*

Корректор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*

Ответственный за выпуск *Д. Д. Шакирзянова*

Подписано в печать 21.08.2014.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 6,7. Усл. печ. л. 6,1. Тираж 200 экз. Заказ № 1573.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.

620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.

Факс: +7 (343) 358-93-06.

E-mail: press-urfu@mail.ru